

Да, это было...

Да, это было, да, было это!
Земля горела, земля стонала
И днём, и ночью, зимой и летом!

Да, было горе, да, была злоба.
И крови море, и много-много
Могил без гроба!

Горели хаты, горели люди,
Рвались гранаты, свистели пули,
...и трупов груды!

И мы горели, и мы стонали!
Но не сгибались, не изгибались!
Изнемогали, а всё ж стояли!

И были люди покрепче стали,
И побеждали, и умирали,
И уносили с собой в могилы
Святое имя «Товарищ Сталин!»

Да, было горе, да, была злоба,
И крови море! И много-много
Могил без гроба!

Василий Афонин

**ПАМЯТИ ПРЕДКОВ
БУДЬТЕ ДОСТОЙНЫ**

**Брянск
2016**

Василий Афонин

**ПАМЯТИ ПРЕДКОВ
БУДЬТЕ ДОСТОЙНЫ**

**Брянск
2016**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Афонин В.

Памяти предков будьте достойны. — Брянск: ООО «Ладомир», 2016. — 100 с.: ил.

Книга «Памяти предков будьте достойны» написана и посвящена жизни простой деревенской семьи, честно служившей Родине. В её основу легли воспоминания Петра Яковлевича Петухова, изложенные в его записях на листочках школьных тетрадей о довоенной, военной и послевоенной жизни не только членов его семьи, но и односельчан. Автором эти воспоминания систематизированы, дополнены иллюстрациями, историческими достоверными материалами и военными эпизодами. Повествование книги носит объективный характер, отображающий крестьянский образ жизни при советской власти в период коллективизации сельского хозяйства на селе, судьбы членов семьи и отдельных односельчан в период немецко-фашистской оккупации и в послевоенный период. Автор подчёркивает, что современные дети интересуются темой Великой Отечественной войны, но ей в школьных программах отводится весьма мало времени. В Интернете же имеется много информации не соответствующей действительности, в ряде случаев злостной, порочащей СССР и его героический народ. Попытки извращения истории и недооценки советского патриотизма в годы Великой Отечественной войны недопустимы. Молодое поколение должно знать правду, ему есть чем и кем гордиться. Патриотизм их предков неопровержим!

Материал книги преподносится автором как эстафета детей войны детям мира, и может быть использована в целях патриотического воспитания молодого поколения.

На передней стороне обложки: Вечный Огонь мемориального комплекса «Партизанская поляна»

На задней стороне обложки: стихотворение Афонина В.И. «Да, это было...»

«Память, память, ты порой тревожно
Бьёшь по нервам, бешено скользя,
Позабывать такое невозможно,
Потому что забывать нельзя».

Анатолий Шилиев

В 21-м веке участников и свидетелей Великой Отечественной войны становится всё меньше. В недалёком будущем их не станет — они уйдут в мир иной. Но, как показывает жизнь, молодое поколение людей проявляет большой интерес к ветеранам войны. В праздничные дни с любовью дарят им букеты цветов, открытки, письма. Молодые мамы с детьми просят сфотографироваться на память, и дети с радостью и гордостью это делают.

Фото на память

Дети – участники акции
«Бессмертный полк» в Брянске

Празднование Дня Победы в Брянске. Дети дарят цветы ветеранам.
Незнакомая девушка фотографируется с ветеранами

Дети наперебой просят сфотографироваться с ветеранами после посещения выставки «Эстафета детей войны детям мира» (п. Суземка, 14 сентября 2016 г.)

Встречаясь с детьми на мероприятиях, посвящённых Великой Отечественной войне, приходится с горечью отмечать, что эта тема для молодого поколения является неизвестной, в лучшем случае малоизвестной. В школьных учебных программах ей отводится недостаточно времени, в Интернете имеется весьма много несоответствующего действительности, в ряде случаев злостного порочащего СССР и его героический народ, материала.

История неумолима, и она свидетельствует, что СССР и Сталина ненавидела фашистская Германия во главе с Гитлером. Она 22 июня 1941 года вероломно напала на Советский Союз. Но советский народ победил коварного врага — фашистская Германия была разгромлена. Однако, фашизм не был уничтожен. Идеологические сторонники Гитлера были и в других странах, в том числе в Америке и Англии, которые пригласили у себя недобитых немецких фашистов и с их помощью продолжали идеологическую борьбу против СССР и Сталина. В результате идея Гитлера практически осуществлена — СССР не стало, клевета на Сталина продолжается. Корни Германского фашизма окрепли, и сегодня осуществляют свои злодеяния на международном уровне.

Уничтожение Югославии, Ирака, Ливии, развал СССР, продолжение войн в Афганистане, Сирии и других точках нашей планеты, попытки развязать гражданские войны в России, на Украине и других странах — это не что иное, как идеология фашизма. Следует напомнить, что ещё до Гитлера против возрождения молодой советской республики в 1918—1920 годах усиленно выступали США, предпринимая интервенцию против молодой Советской республики. И теперь Соединённые Штаты Америки делают попытки поставить Россию на колени. Но тогда Российский народ не позволял врагам вмешиваться во внутренние дела России, и есть твёрдая уверенность в том, что и нынешнее поколение не допустит этого. Нашей молодёжи есть чему и у кого учиться. Примером тому является патриотизм их предков в довоенные, военные и послевоенные годы, который делал и делает всё возможное для того, чтобы Россия всегда была независимой, сильной, зажиточной и процветающей страной.

СОЦПРОС. Российская Газета неделя.

21 июля 2016—Четверг

<p>По данным Левада-центра, СССР любят за то, что: «Это было время моей молодости», «Там были добрые передачи и люди, справедливость и чистые улицы, уверенность в завтрашнем дне», «На первом месте был человек, а не деньги». На вопрос: «Хотели бы вы вернуться в СССР», 82 % отвечают: «Да, это вершина российской истории»</p>	<p>и только 19% — «Нет, темное пятно». Из положительного в советском прошлом 17% отметили: «Уверенность в завтрашнем дне», 9,7% — «Возможность самореализации», 15,6% — «Относительно нормальное бесплатное здравоохранение и образование», 16% — «Установка на дружбу народов» и 17% — «Справедливость в распределении благ».</p>
---	--

Предлагаемая читателю книга в основном построена на воспоминаниях нашего земляка Петра Яковлевича Петухова о его семейной жизни и жизни его односельчан. Пётр Яковлевич заостряет внимание

читателя на жизни его семьи и односельчан в период коллективизации сельского хозяйства, а так же в довоенный, военный и послевоенный периоды. При этом на живых примерах показывается, например, что вступление в колхоз происходило на добровольной основе. Да, были не согласные, но им предоставлялась возможность работать в государственном секторе, либо переезжать на свободные земли Зауралья и Сибири.

Выступление П.Я. Петухова в Ходиловичской школе, 2014 г.

Опровергается и утверждение клеветников о том, что в годы войны на оккупированной территории в партизаны людей забирали силой. Такого не было и не могло быть. В партизанские отряды зачисляли только добровольцев, при том после тщательной проверки и обязательно со своим оружием. В партизаны шли патриоты. Дезертиры, трусы и отъявленные враги советской власти шли на службу к немецко-фашистским оккупантам. Например, в деревне Петуховке из молодёжи 5 человек добровольно ушли в партизаны. Это: Афонин Иван Иванович, Бурцев Иван Поликарпович, Петухов Андрей Ильич, Петухов Николай Яковлевич, Петухова Любовь Яковлевна. А шесть человек из числа молодёжи служили в полиции. Это Афонин Михаил Семёнович, Корнеев Яков Федорович, Корнеев Николай Иванович, Корнеев Фёдор Лаврентьевич, Петухов Фёдор Григорьевич, Латышев Николай Егорович.

Следует отметить, что из 5-и партизан 3 героически погибли (Афонин И. И., Бурцев И. П., Петухов Н. Я.), а двое (Петухов А. И. и Петухова Л. Я.) чудом остались живы. Андрей Петухов по ранению, а Любовь Петухова в связи с заболеванием были самолётом отправлены на лечение в советский тыл.

Из числа полицаяев погибших не было: 3 человека (Корнеев Я. Ф., Корнеев Н. И., Латышев Н. Е.) скрылись и их судьба неизвестна, 1 человек (Петухов Ф. Г.) был осуждён, а в последствии амнистирован, и 2 полица (Афонин М. С., Корнеев Ф. Л.) искупили свою вину в штрафбате.

Несколько слов о партизанских семьях из деревни Петуховки, которые подвергались репрессиям.

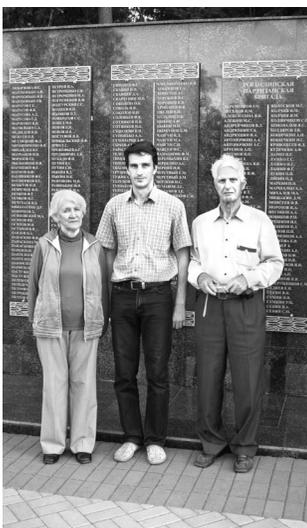
- 1) Афонина Агафья Яковлевна с детьми Владимиром, Сергеем, Василием,
- 2) Бурцев Поликарп Иванович с женой Клавдией и детьми Марией и Розой,
- 3) Петухова Акулина Стефановна с детьми Галиной и Владимиром,
- 4) Петухова Марина Стефановна с сыном Петром.

Они по доносу полицаяев были арестованы оккупантами и заключены в Жуковскую тюрьму гестапо в качестве заложников. В тюрьме, кроме названных, были в заключении партизанские семьи и из других населенных пунктов. Все члены партизанских семей, включая детей, подвергались допросам, сопровождаемым избиениями, пытками, казнями. Заключённых, принуждая к предательству, морили голодом и холодом, содержали в невыносимых антисанитарных условиях. В дальнейшем только семья Бурцева П. И. была выпущена из тюрьмы в связи с согласием главы семьи на сотрудничество с оккупантами и предателями. Остальные семьи партизан содержались в заключении и помилованию не подлежали. Но они не были брошены на произвол врага, и в дальнейшем силами советских патриотов были спасены от неминуемой смерти.

Что касается семей предателей Родины, то они со стороны Советской власти преследованиям не подвергались и в правах не ограничивались. Не исключается возможность того, что потомки членов семей пре-

датель Родины и в современных условиях находятся на руководящих государственных постах, и не содействуют патриотическому воспитанию граждан России. Здесь речь идёт о тех потомках предателей, которые не осудили постыдные, преступные поступки своих предков — изменников Родины, о тех, кто не способствует сохранению памяти своих земляков, погибших в годы Великой Отечественной войны.

Работая над темой о партизанском движении, автору пришлось столкнуться с вопиющими фактами — фактами беспамятества. Одним из знаменательных мест о хранении памяти погибших партизан является «Партизанская Поляна», расположенная на территории Брянской области. На стендах памяти у Вечного Огня имеются списки погибших

На Партизанской поляне. Фото 2012 г.

партизан Рогнединской партизанской бригады, в которых имеются имена порядка семидесяти человек. В моей книге «Дети войны и дети мира», изданной в 2013 году приводятся списки погибших партизан Жуковского, Дубровского и Рогнединского районов, насчитывающие аж 647 человек, из них 198 погибших партизан в Жуковском районе.

Как относились (и относятся) к этому вопросу наши руководители, можно судить по письму партизанки Петуховой Любови Яковлевны, адресованному бывшим Военному комиссару Жуковского района Матвееву А. М. и Главе Администрации Жуковского района Гуторову А. А.

Она в 1995 году обращалась к ним с просьбой перезахоронить своего брата-партизана Петухова Николая Яковлевича, погибшего при исполнении боевого задания в деревне Званке на Косиловской земле. В том письме она писала: «После долгих лет его костей уже не найдёшь и они вросли в земле в корни деревьев. На том месте, где он зарыт, уже выросли большие деревья — берёзы, дубы и сосны. Но память увековечить можно, записав фамилию, имя, отчество на любой братской могиле на Косиловской земле». Что же местными властями было сделано? Ничего!

И только благодаря усилиям автора три партизана (Афонин И. И., Петухов Н. Я. — д. Петуховка и Петухов И. Ф. — п. Круча) были внесены в списки погибших партизан Рогнединской партизанской бригады на «Партизанской Поляне». Получено обещание, что при очередной реставрации стендов в списки будет внесён и Бурцев Иван Поликарпович.

Вызывает огорчение и тот факт, что в деревнях Петуховка и Ходиловичи до настоящего времени нет достойного поимённого памятника погибшим партизанам, воинам Красной Армии и жертвам фашизма о котором, кстати, поднимался вопрос в «Жуковских новостях» 23 февраля 2005 года.

По этому вопросу в настоящее время в Ходиловичах имеется показанная ниже информация. К сожалению, она ветхая, неполная, неточная и недостоверная. Это — пример равнодушия прошлой и настоящей, по крайней мере, районной власти к своему героическому и трагическому прошлому.

**Памятники, обелиски, стелы, мемориалы в деревне Ходиловичи
Жуковского района Брянской области**

Памятник на месте захоронения воинов, погибших при освобождении Ходиловичей в ноябре 1943 года

Памятник жертвам фашизма 1941–1945 гг. в д. Ходиловичи

В братской могиле на высоком берегу р. Ветьмы похоронена семья мирных жителей, зверски казнённых немецко-фашистскими захватчиками 4 ноября 1942 года. На месте захоронения установлен обелиск с пятиконечной звездой. На мемориальной доске — фамилии погибших: Блохина П. Ф., Блохина В. П., Карасева М. С., Карасев Ф. И., Пашкова А. Ф. Вечная им память!

На территории Ходиловичского поселения находится ещё один памятник, установленный на месте захоронения. Здесь захоронено шесть человек. У всех у них одна фамилия: Корнеева В. А., Корнеев И. Т., Корнеев Ф. Т., Корнеев В. Т., Корнеев Н. Т. и Корнеев М. Т.

В своих воспоминаниях Пётр Яковлевич упоминает и о школах, в которых в различное время учились дети наших деревень, о чём недостаточно знает молодое поколение. А ведь вопрос о школьном обучении в наших деревнях является историческим. В Ходиловичах в 1899 была открыта земская школа.

В эпоху советской власти в Ходиловичах была построена и функционировала начальная общеобразовательная школа, а школа со средним общеобразовательным уровнем находилась в селе Фошне. В период Великой Отечественной войны в годы оккупации эти школы не работали и были сожжены. Но после изгнания оккупантов работа Ходиловичской начальной школы возобновилась. В 1943–1944 учебном году школа размещалась в доме Дениса Афонина в поселке Круча (учительница Варвара Ивановна Петухова), так как в деревнях Ходи-

Бывшая выпускница послевоенной Ходиловичской начальной школы Афонина Евдокия Ивановна (крайняя справа)

ловичи и Петуховка не было ни одного дома. В 1944–1945 учебном году школа размещалась в Ходиловичах в построенной хате Евдокии Павловны Леоновой, а в 1945–1946 учебном году в Петуховке в хате Марьи Лаврентьевны Корнеевой (учительница Анна Парфеновна Бурденкова).

Дальнейшее образование первые (и последующие) выпускники Ходиловичской начальной школы получали в Гришино-Слободской семилетней школе. В послевоенные годы при СССР в Ходиловичах

*В такой хате
в первые после-
военные годы
располагалась
Ходиловичская
школа*

*Гришино-
Слободская
школа*

*Ходиловичская
школа. Современ-
ное фото*

была создана семилетняя школа, а затем средняя общеобразовательная школа. С 1992 года Российские школы, в том числе и Ходиловичская средняя общеобразовательная, стали реформироваться в муниципальные общеобразовательные учреждения, что, к сожалению, не повысило общеобразовательный уровень.

О жизни своей семьи и своих земляков в довоенные, военные и послевоенные годы довольно обстоятельно были изложены Петром Яковлевичем Петуховым в ученических тетрадях. Краткое знакомство с их содержанием позволяет сделать вывод, что все члены семьи являлись патриотами, которые на протяжении довоенного, военного и послевоенного периода честно и достойно служили Родине. В период Великой Отечественной войны все члены семьи являлись борцами с фашизмом. Отец Яков Дмитриевич в пятидесятивосьмилетнем возрасте являлся участником трудового фронта, старшая сестра Люба и брат Николай являлись партизанами; сестра Лена угоняла колхозный крупнорогатый скот в советский тыл и в Пензенской области работала на трудовом фронте, а мать Марина Стефановна с тринадцатилетним сыном Петей за связь с партизанами были арестованы и заключены в тюрьму гестапо, где под пытками врага не стали на путь предательства.

В книгу, кроме воспоминаний П. Я. Петухова, включены воспоминания Петуховой Любови Яковлевны, некоторые эпизоды военных лет и приложение. И всё это проафишировано не для забавы, а для того, чтобы новые поколения не испытывали те страдания, которые испытали их предки.

Пётр Яковлевич Петухов в своих воспоминаниях с горечью отмечает, что было, и чего добился он и его земляки в своей деревне. Он пишет: «Совхоз «Чапаевский» имел 5000 гектаров сельхозугодий без леса, в том числе пахотной (посевной) земли 3000 гектаров, остальное — луга и пастбища. В совхозе было около 3000 крупнорогатого скота, из них 850 дойных коров. А теперь?»

Свою боль и обеспокоенность сегодняшним он излагает в обращении к Президенту РФ: «Уважаемый Президент! Я прожил всю войну и понимаю, что такое война. Я был мальчиком 13-и лет. Сегодня я не

могу описать подробно всё, что помню, потому что мне сегодня 86 лет. Но я хочу, чтобы наш народ жил своим собственным трудом — пахал, сеял, убирал свои посевы. А сегодня у нас дикие животные! И я удивляюсь тому, что мы не в состоянии обеспечить своих животных кормом. Я жил и работал в колхозе и совхозе. И всегда я укладывал свой труд на благо страны. А сегодня что происходит, я не понимаю. Примите меры, чтобы наш народ Вас понял».

Подобным состоянием страны был обеспокоен и другой наш земляк, поэт Иван Парфенович Бурденков, который писал:

...И вот она разорена,
Горит, разграблена Россия
От телебашни вся страна
В кавернах сел забытых ныне,
Всё уничтожено, разбито
И недра оптом продают,
Леса под корень вырубают,
Народы грабят, убивают,
В домах приюта живьём жгут!
И ничего не создают!...

Автор не только верит, а убеждён в том, что молодое поколение сделает всё возможное, чтобы наша Россия была богатой, привлекательной и непобедимой, а народ зажиточным и счастливым.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ П.Я. ПЕТУХОВА

ДОВОЕННЫЕ ГОДЫ

*Петухов
Пётр Яковлевич*

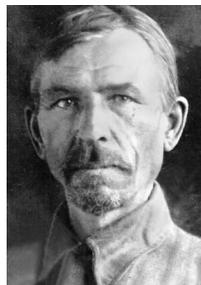
Я родился в 1928 году (хотя по паспорту значусь 18.06.1929 г.) в деревне Петуховке Жуковского района Западной, ныне Брянской области. В 1936 году пошёл в школу в 1-й класс Ходиловичской начальной школы, в которой в 1940 году был создан 5-й класс. Учился я хорошо, в 1941 году окончил пять классов, а дальше учиться помешала война.

Что мне помнится о тех далёких довоенных годах? Помню, до 1930 года мы не вступали в колхоз. Отец мой, Петухов Яков Дмитриевич, 1883 года рождения, был неграмотный, окончил всего лишь один класс церковной школы, которая была в нашей деревне до революции. Как я знаю, он до революции служил в армии, был призван Брянским военным присутствием в конную армию (согласно его военному билету). А когда началась революция, был переведён на бронепоезд в Питер, который, по его рассказам, перешёл на сторону революции. Отец, как глава семьи, занимался крестьянским хозяйством, кроме всего был деловым человеком — мог плотничать, мог строить, выделывал кожи, овчины. В общем, что требовалось в деревне, он делал всё. Деловые люди в то время требовались всюду и привлекались в промышленность. Поэтому в 1930 году отец уехал на Украину в город Мариуполь, где и работал до 1933 года. Но когда, в связи с засухой, был голод, люд

мёр, вернулся домой и намеченный переезд семьи на постоянное место жительства в город Мариуполь был отложен. Ведь в то время и у нас на Брянщине был голод (в то время у нас была Западная область с центром в Смоленске).

*Петухова
Любовь Яковлевна*

*Петухов
Яков Дмитриевич*

*Петухова
Марина Стефановна*

*Петухова
Елена Яковлевна*

В 1930 г. наша семья вступила в колхоз, тогда он назывался колхоз «Борец». Вот некоторые говорят сейчас, что загоняли в колхозы силой. Нет, это не правда. Мы писали заявление с просьбой, чтобы нашу семью приняли в колхоз. Я хорошо помню, была у нас лошадь серая, которую при вступлении в колхоз мы вместе со сбруей, повозкой и саями также сдали в колхозное хозяйство. Поскольку мы собирались уехать в город Мариуполь, коровы у нас не было. А когда отец и старшая сестра Люба стали работать добросовестно, колхоз нам выделил нётеля (подтёлка — годовалого телёнка), и мы скоро опять обзавелись коровой. Как я помню, мы её звали Жданкой. Когда началась война и фронт был на Десне, Жуковский военкомат мобилизовал работоспособных мужчин, в том числе нашего отца, и отправил на работу в советский тыл. Это было в сентябре месяце 1941 года. При прощании с нами отец наказывал всем, особенно моему брату и своему сыну Николаю, чтоб мы «не сотворили глупость» и напомнил, что Тарас Бульба за измену отдал своего сына Андрея под суд, только за то, что он влюбился в дочь противника. Отец для действующей армии был нестроевой

и поэтому был направлен в тыл в город Ижевск, где работал в тресте металлоконструкций № 51. Там он и умер.

Мать моя Петухова Марина Стефановна 1888 года рождения неграмотная, родилась и воспитывалась в крестьянской семье. До войны занималась домашним хозяйством, воспитывала детей и работала в колхозе. В годы Великой Отечественной войны во время фашистской оккупации до её ареста и заключения в тюрьму гестапо держала тесную связь с партизанами и помогала им, чем могла. Умерла Марина Стефановна 8 февраля 1978 года в возрасте 90 лет.

В нашей семье в 1918 г. родилась первенец — старшая сестра, Любой называли её.

В 1934—35 годах в Жуковском районе образовалась МТС (машинотракторная станция) и моя сестра Люба была направлена на учёбу в Жиздру. Там она получила специальность механика, и до начала войны работала при Жуковской МТС. А когда фронт был уже на реке Десна, технику отправили в тыл. Но немцы перерезали отход, пришлось технику уничтожить, а сама ушла в партизаны.

В 20-м году родился брат Дмитрий, который умер от болезни ещё мальчиком.

В 1922 г. родилась сестра Лена. Она до войны закончила учиться и приступила работать на ферме, так она называлась МТФ (молочно-товарная ферма). А когда началась война, угнала колхозный скот в тыл, потому что фронт был уже очень близко. Находилась Лена в Пензенской области до тех пор, пока нашу Брянщину не освободили от немецкой оккупации.

В 1925 г. родился брат Николай, который до войны учился в школе, а во время войны в 1942 году ушёл в партизаны, где и погиб 14 августа 1943 года под деревней Званка. Не дожил один месяц до освобождения нашей территории от немецкой оккупации.

Что я запомнил о довоенном и предвоенном периоде жизни в деревне? Помню, как люди работали в общем на лошадях: и пахали, и борошили, и дрова, и лес возили — все на лошадях. Насколько помню, что все поля были обработаны и засеяны.

Так люди работали на полях и лугах в первые годы колхозной жизни

Полевые работы в колхозе

*Легендарная полуторка
ГАЗ АА*

Обрабатывались даже земли вдали от деревни за несколько километров, как, например, в деревне Заречье и поселке Похвальный, когда-то так называемые наделами. Всё засевали и убирали вручную до появления техники на наших полях в 1934–1935 гг. Ведь до этого времени мы не видели и не знали,

что такое трактор, автомашина. Через нашу деревню иногда проезжала автомашина, как теперь её зовут полуторка, а в то время она именовалась ГАЗ АА (ГАЗ 2А). Так мы за ней бегали гурьбой и цеплялись за задний борт — прокатывались. Ведь дорог тогда не было, и она проезжала уж не быстро. В общем, мы её успешно догоняли. Со времени революции нужно было построить заводы. Не буду распространяться, а только напомню, что до войны были построены СТЗ, ХТЗ, ЧТЗ. (Сталинградский, Харьковский и Челябинский тракторные заводы).

Колёсный трактор СХТЗ-15/30

Помнится то, что в период школьной учёбы детворы было очень много, ведь в то время очень люди боялись грехов перед Богом, а также в то время, при Советской власти, существовал закон о запрете абортов. Медицина не позволяла производить аборты. Были случаи, когда знахарки производили аборты, но если это обнаруживалось, то за это строго наказывали и знахаря и участника аборта.

В учёбу были охвачены буквально все. Даже переростки и пожилые люди проходили так называемый ликбез (ликвидация безграмотности), потому что до революции, как рассказывали мои родители, было только образовано два класса церковной школы, где, в основном, изучали церковную грамоту, молитвы и т.д.

Образование при Советской власти

Что можно ещё вспомнить. Жизнь проходила, я бы сказал, неплохо. Учились, дружили, пропадали на реке, купались, участвовали в полевых работах, собирали колоски, возили и грузили снопы, участвовали при молотье урожая, ведь до этого у наших крестьян только молотили цепами, а в колхозе уже была конная молотилка. Вот мы из подростков подгоняли коней, подавали снопы к молотилке, отволакивали солому на лошади волокушей. В общем, скучать было некогда.

В 1936 г. были выборы, к нам в колхоз приезжали активисты из художественной самодеятельности из воинской части, а также из Фошнянской средней школы ШКМ (школа крестьянской молодёжи). Наш колхоз в то время был на неплохом счету, даже был удостоен на выставке в Москве. В колхозе был документ такой, большая книга, в нём было оговорено, какое количество земли было передано на вечное пользование колхозу. Проводились собрания, отмечали хорошо работающих колхозников, премировали их, но и ругали, хулили и наказывали нерадивых, кто лениво участвовал в работе.

Было всё, были и честные, и воры. За воровство судили, а воры всякие были. Они не только из колхоза могли украсть, но даже и у населения. На собрании проводились отчёты собрания колхоза, полугодовые,

Товарищеский суд в колхозе.
Фото 1934 г.

а также годовые. И, если колхоз за отчётный период не сработал прибыльно против прошедшего периода, то меняли и правление, и председателя. Занимались в колхозе полеводством, животноводством. В колхозе было четыре полеводческих бригады. Всего в колхозе было 150 лошадей. Была также в колхозе кирпичня (небольшой кирпичный завод), делали кирпич, его отправляли на Жуковский обозный завод, а также использовали для своих нужд.

От нашей деревни до села Фошня было около пяти вёрст. До революции там строили церковь из кирпича, который делали у нашей деревни. А вот в своих избах и банях печи у многих были без трубы, топили по-курному.

Лес от нашей деревни был три версты, а хаты были покрыты соломой, но, правда, что все постройки богатых были покрыты железом. Но это были не избы, а комфортабельные дома. Правда, в нашей деревне была школа церковная, а помещиков и дворян у нас не было, потому что наша деревня была церковного прихода, так она и называлась.

А вот соседняя деревня Заречье была уже в другой волости, и там был помещик. Его дом очень громадный, накрыт железом, а остальные избы крестьян просто халупы под соломой. Правда, после революции его не разорили, а в нём Советская власть образовала школу. Говорят, что хозяин перешёл на сторону революции, но после революции там не проживал, куда-то уехал. У него были дети, уже взрослые, которые работали в городе Брянске при советской власти в радиокомитете.

В колхозе работали дружно, не обижались. Правда, на наших землях урожаи невысокие, земли песчаные, но, что могли вырастить, делили по трудодням. Но, в первую очередь, отправляли государству и натуроплату за работу МТС.

Помню, зернопоставки отправляли обозом конным, несколько повозок снаряжались, украшали флагами и транспарантами.

Обозы с сеном и зерном в Советской деревне

Были в нашей деревне и единоличники. Но их было очень мало. Члены их семей, трудоспособные, работали в лесничестве, сажали лес, ухаживали за молодыми посадками и производили другие хозяйственные работы.

В колхозе нашем был построен новый клуб, по тем временам очень большой. Была открыта изба-читальня, где обучали читать, и учили писать неграмотных пожилых людей. Среди учащихся школы образовывались всевозможные кружки, октябрята, пионеры. Даже завидно было, если ты ученик не пионер или не октябрёнок. Была у нас и комсомольская организация. Но среди населения отрицательного отношения к власти Советов — не было, шло как-то всё на поправку и общественное хозяйство прирастало.

Что, как можно охарактеризовать жизнь в колхозе, да и вообще населения до войны? Народу было в деревне очень много, молодёжи, да и взрослых, ну также и детворы. По выходным дням собирались, водили хороводы, пели песни, всякие игры устраивали. Даже мужчины затевали игры, в так называемые «шляки» и шаровню. Шаровня — это так назывались биты, сделанные из дерева. Подбрасывали вверх деревянный шарик, и вот, на лету, нужно попасть битой в шарик. А также и «шляки» — это те же самые городки. В общем, не скучали. А особенно по праздникам. Праздновали и Рождество, и Пасху, и Октябрьскую революцию, и 1 Мая также отмечали. Особенно мы — молодёжь,

Изба-читальня

Показ кинофильма

*Афонин Иван Егорович
(крайний слева). 1937 г.*

*Сестра Ивана Егоровича Татьяна с мужем Герасимом.
На заднем фоне — тот самый велосипед*

школьники на каникулах отмечали Святки в каждой деревне по своим обычаям. Правда, жили небогато, но весело. Ведь надо признать, что в нашей деревне никто не мог ездить на велосипеде, потому что велосипедов не было. И вот, помню, один молодой человек служил в армии. Он уже был в то время офицером. Хотя, кажется, в то время так не называли. А называли по званию — лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор и так далее. Так вот, это был полковник, Афонин Иван Егорович, и он привёз велосипед. Так вся деревня, от старых до детворы дивились, как можно ехать на двух колёсах. Бывало, посадят человека и по бокам сопровождали и поддерживали седока, чтоб не завалился.

Молодёжь до пятого класса училась в своей школе, а старшие учились в Фошнянской средней школе, куда ходили со всех соседних деревень. Наша деревня находилась в 5–6 верстах от Фошни, а вот Казариновка была ещё дальше и ещё перекрывала путь река Ветьма. Зимой, конечно, она замерзала, а летом ходили вброд. И вот однажды, дело было зимой в 1935 г., поднялась пурга, заметала метель. И задуло, занесло дороги, а ребята, которые были в большой группе, добрались домой, хотя с большим трудом. А вот двое учеников, один из Казариновки, а другой из Ходилович, не добрались. В поле стояло дерево — липа

очень старая. Когда-то она горела, и образовалось в ней дупло. Вот один ученик залез в дупло и там замёрз, а другой обморозил себе уши. Правда, его спасли, на выручку пошёл встречать его дедушка и застал внука живым.

Наша деревня находилась на берегу реки Ветьма. Ну, соответственно, были луга и по лугам водоёмы, как мы называли — лужи (маленькие) и раздоры (большие). И вот в этих лужах и раздорах было много рыбы. Во время паводков всё заливалось водой и, соответственно, заполнялось рыбой. Она там нерестилась. Вот мы во время лета мутили там воду и в мутной воде руками и сетками вылавливали рыбёшку. Ловили мы рыбу также по речке. В общем, рыбы было очень много. В погожие дни идёшь по берегу, а рыба, особенно окунь, лежит неглубоко на траве и спит, пригревшись к солнышку. Да если аккуратно подходили к ней, то брали руками. Но когда пришла война, всё загубили — и рыбу, и людей.

ВОЙНА ПРИШЛА...

Не зная и не гадая, что там творится в столице Москве, жили мы обыденной жизнью — пахали, сеяли, ухаживали за посевами. Это был июнь месяц, работяги коллективно пасли, кормили скот и собственный, и коллективный. Ведь в то время химикатов не было, всё делали вручную, даже прополку зерновых яровых проводили вручную. Почему-то в то время очень много сорняков было, особенно дикая редька (сурепка), цветёт жёлтыми цветами мелкими, очень похожая на горчицу и, бывало, вся была заражена сорняками. И вот колхозники её выдёргивали, я помню как её люди, после того, как выдернут, носили домой ношами для скармливания скотом. Её очень здорово поедали коровы.

Радио в то время не было в домах и телефонов также не было. И вот из района прибыл представитель из военкомата и объявил, что началась война. И тут же на второй день началась мобилизация, всех мужчин отправили в военкомат для призыва. Из военкомата вернулись лишь те, кому была наложена бронь. Ну, конечно, пошли слёзы, крики, прощания. Но мы никогда не помышляли, что к нам придёт немец.

Вторжение. 1941 г.

Были уверены, что мы — наша страна, сильны настолько, что это нам бояться нечего, мы непобедимы, а оказалось всё наоборот.

Не прошло трёх месяцев, как немцы оккупировали наш район, а также и область (в то время она была Орловской). А перед оккупацией, как я отмечал, на четвёртый день у нас уже бомбили аэродром в Олсуфьево, а Сещенский — на второй день войны. Немцы нагнали, даже по дорогам обстреливали пешеходов. А вот тогда цыгане разъезжали, устраивали стойбища, палатки, так их тоже обстреливали.

В августе, начале месяца, через нашу деревню прошла армия. Шли целые сутки, оказалось, фронт уже был на реке Десна. Это не очень далеко, даже когда немцы выпускали какой-то шар для наблюдения за нашей территорией, был очень хорошо виден. И как только наша артиллерия начнёт обстреливать, он хоронился. Недалеко от нашей деревни находился госпиталь и вот постоянно на лошадях, на машинах перевозили раненых и обратно на фронт солдат после лечения. В это время колхозный скот был отправлен в тыл, т.е. на большую землю —

так тогда называли тыл. В это время и мужчин до 50 лет включительно мобилизовали и направили в тыл. Вот и мой отец ушёл.

А вот некоторые вернулись, сбежали. По их рассказам, когда прибыли в город Курск, так называемый горелый лес, и когда сформировали поезд и отправились, на эшелон налетели самолёты и стали бомбить. Что-то случилось, что эшелон остановился, и поэтому они разбежались и вернулись домой. А потом начали долетать снаряды и до нашей деревни. Я хорошо помню, когда обстреливали деревню шрапнелью. Это снаряд рвётся вверху. А потом обстреливали из тяжёлой артиллерии. Не знаю, поверят мне, что после разрыва снаряда осколок, идущий на цель, именно на цель, виден очень хорошо. Видна точка с моментальным увеличением. Я это видел сам, но успел нагнуться под повозку, на которой этот осколок перебил грядку. Так называется брус толщиной около 8—10 см. А вот осколок очень большой, так нагрелся, что эта грядка-брус зачидила и дотронулся, конечно, невозможно.

Группа солдат СС идет по улице горящей советской деревни. Осень 1941 г.

Лошадей из нашего колхоза угоняли буквально почти во время оккупации. А было так. Приехали из района представитель и мобилизовали эвакуацию. В его состав входил секретарь сельсовета Самохин и представитель района и двое ребят из колхоза. И вот, когда табун лошадей выходил из деревни, собрались люди. И, конечно, народ в большинстве был настроен, чтобы лошадей не угнали. И вот в это время со стороны деревни Николаевки из госпиталя ехала машина с солдатами на фронт. И когда подъехали, видят — много людей. Спросили, в чем дело. Солдат неправильно информировали, что-то вроде диверсанты забирают лошадей. Но тогда солдаты стали догонять табун и обстреливать. Секретаря сельсовета ранили в плечо, представитель схоронился в копну. В общем, ему также досталось от жителей. В общем, пококошили как следует. Но впоследствии всё установили. Буквально в деревне Заречье был штаб, и тут же прибыл особняк, и тут же подвергли аресту двух мужчин. Так закончилась вот такая причуда.

В течение второго дня прекратили обстрел нашей деревни. На зернотоку была установлена батарея на конной тяге. И вот всё же немцы подожгли зернотоку, потому что там была солома, да и сама постройка из соломы была. И вот я видел, как лошади удирали (иначе не назовёшь), а потом всё затихло. И вот что я своими глазами видел. Правда, я в то время ничего не понимал. Шли 5–6 человек, на палке несли белую какую-то тряпку. Это были солдаты. Я только потом понял, что они шли сдаваться. И вот когда говорят, что плен, якобы, не имеет под собой ничего негативного, я думаю, что это грубая ошибка. И потом ругают власть, в том числе Сталина, а ведь в этом деле надобно разбираться. В нашем районе боевых действий особых не было, постреляли из орудий и всё. Схваток, как таковых, не было. Так что пленить некого было, а если сдавались, то добровольно.

Надо отметить, что при отступлении наших войск на полях и в лесах было брошено много вооружений и боеприпасов. Снарядов, взрывчатки и вообще снаряжения было предостаточно. Гранаты, тол, аммонал, тротил побросали наши при отступлении. Вот это ребята использовали, глушили рыбу, правда, и самих ребят подорвалось немало насмерть

Недетские игры советских детей военной поры

и покалечилось. В том числе и я пробовал трогать снаряжение и по-пробовал — оторвал мизинец левой руки, фалангу безымянного пальца и большой палец покалечил здорово. В общем, стал непригодным для службы в армии.

И было вот так. Дома нужно было произвести ремонт изгороди, требовались гвозди. А где их взять? Негде. Вот я решил пойти, где были брошенные снаряды, там можно было добыть гвозди. Ведь сколько там было всяких ящичков и на шурупах, и на гвоздях. Ломай — не ленись. Взял я с собой клещи, и вот я использовал как гвоздодер. Но, поскольку снаряды валялись, как попало, мы по ним прямо ходили. Кое-что мы знали: что нельзя трогать головку снаряда — вот мы её не трогали. Есть снаряды отдельно, а гильзы отдельно. А вот эти гильзы закупорены бумажной пыжиной, да так, что нож не берёт. Вот я взял в левую руку, ладно, что не напротив головы или основы туловища. И как-то попробовал ударить толчком клещами по капсулю и не очень здорово. А она как дрободахнет и гильза раскололась и улетела, а руку мою повредила, да так здорово, что мне пришлось бежать в Фошню. Там была больница и ясно, что там мне помогут.

И, действительно, там был доктор, проживал на территории больницы этот врач. Меня принял, осмотрел, зашил рану и перебинтовал. Звали врача Франц Андреевич, фамилию не знаю. Меня он узнал по моей сестре, которая работала механиком. Ведь она обслуживала технику, которая работала на машино-тракторной станции (МТС) в колхозах нашей зоны.

Я переночевал в больнице, а утром меня нашёл мой брат Коля, который приехал на лошади и увёз меня домой. Но после я ходил на перевязку через день, потом через два дня, а потом было реже. Вот я ходил почти месяц. Когда я присутствовал на приёме, к нему обращались военные люди за помощью. Он их принимал и оказывал помощь. Но его и партизаны навещали тоже раненые. Но он их обслуживать не очень хотел. Это я сам слышал о его намерении, что партизанщина вне закона на войне. И когда партизаны предложили прибыть в отряд партизанский, он отказался проводить работу по оказанию врачебной помощи в отряде.

И вот, в один день, это было в первых числах ноября месяца 1941 года, пришёл я на перевязку, а там стоит охрана и меня не пустили в больницу. Оказалось, что это были партизаны, которые выполнили задание штаба партизанского о ликвидации врача, как не выполнившего приказ о службе в Красной Армии. Это говорили сами партизаны, что врач, кто бы он ни был, мужчина или женщина, автоматически, в связи с войной, обязан включиться по обслуживанию воинских частей и лиц, вставших на защиту Отечества. А, в конце концов, он был по национальности немец. И вот его и его семью из трёх человек партизаны расстреляли. Жена его тоже была врач. И когда его обыскали, оказалось, что в больнице было очень много лекарств и продуктов питания, ещё с запасов Советской власти, и поэтому партизаны всё это конфисковали. А также был и радиопередатчик у него.

В нашу деревню вошли немцы без боя, и вот шли они один за одним, потому что наша армия отступила. Видел, как немцы заехали в одну из хат и основали там штаб, а рядовые солдаты пошли шнырять по хатам. Возле нас, недалеко, жил дед-пчеловод, я также видел, как

немец ворвался к нему и, увидев пасеку, бегал, кричал: «Мев! Мев!» и хлопал себя по ляжкам.

Мой брат Николай и его соседские друзья Иван Афонин и Николай Корнеев уже раздобыли себе брошенное оружие — 2 винтовки и 1 СВТ (самозарядная винтовка Токарева), принесли в хату и что-то с ними стали разбирать. И вдруг вваливается немец. Что им делать? Они ничего не знали. Но этот немец вынул затворы из винтовок, забрал их в вещмешок, а винтовки отдал им. И приказал как-то по-немецки, чтоб шли в немецкий штаб. Ну, он и сопровождал их до штаба. Там был переводчик, что-то уточнили, откуда и как оказалось оружие у них. Ребят отпустили.

Вот так и пришли к нам в деревню немцы. Это было в сентябре месяце 41-го. В это время на полях, в основном, всё было убрано, но не всё обмолочено и осталось в снопах, правда, незначительно. Не обмолоченными были скирды хлеба и копны гречихи. Вот тогда и стали организовывать власть. Нашлись такие активисты. На территории бывшего сельского Совета образовали Ходиловичскую волость. Нашлись старшины и старосты, да начальник полиции объявился. Начался делёж урожая, который остался, по душам, коней по дворам. Вот и нам досталась лошадь, правда не из колхозных рабочих лошадей. А во время боёв военная лошадь была ранена и воинская часть её оставила

*Построение
полицаяв
в оккупированном
советском селе*

в колхозе, а себе взяли здоровую. И досталась она нам на два двора по соседству. А, поскольку она была кавалерийская, нам пришлось её обучать для работы в повозке. Правда, рана её зажила, и она ничего особо не тревожила. В общем, была здорова. И вот уже основалась власть с новыми порядками в конце 41-го года. В основном, по инициативе начальника полиции Денисова Антона и управляющего земельным отделом волости Леонова Василия с поддержкой непосредственно военных немцев. Четырёх человек из нашей деревни казнили через повешение. Это — Бурденков Кирей Васильевич, Фёдоров Герасим Иванович, Елисеев Семён Артёмович, Самохин Степан Денисович. Правда, Самохин — секретарь нашего сельского Совета — увидел, что при конвое несли верёвки, и понял, что их ведут вешать. И он из строя сделал побег. Но его расстреляли при побеге. Остальных повесили. И вот устрашали нас пять дней. Трупы висели, не давали убирать. Всё это сделали на бывшей МТФ.

Казнь советских граждан

Наша деревня была в 4-х километрах от леса. Но в деревнях Фошня, Саково, Николаевка и других деревнях в лесной зоне образовались партизаны. Но в связи с тем, что в нашей деревне уже действует немецкая власть, нашу деревню стали навещать партизаны. И вот в один из октябрьских дней на двух повозках ехали партизаны. Около нашей деревни уже находился пост из состава полиции. На посту останавливают и спрашивают: «Кто и откуда вы?». Партизаны, в свою очередь, спрашивают: «А вы кто такие?». Они, в ответ, что мы полицаи, охраняем деревню. Но, конечно, партизанам ничего не оставалось делать, как уничтожить пост полицаев. Но тут же стала стрельба, и партизанам проехать в сторону Фошни было более надёжно. И они благополучно уехали в том направлении.

*Фёдоров
Герасим Иванович*

А вот на Николу Зимнего партизаны атаковали нашу деревню. Полицаи похоронились, разбежались. Но, правда, сожгли хату начальника полиции. Наш сосед Сергей, 24-го года рождения, он по сватовству с начальником полиции был в полиции. Правда, документов и формы у него ещё не было. И ему пришлось спрятаться у нас в доме. Так его миновало наказание. В это время моя сестра Люба объявилась, она многих партизан узнала, и они с нами поддерживали тайную связь. И вот, в отряде Мальцева был разведчик Воронов Александр (по прозвищу Сандер). Всё время нас навещал. А, поскольку у нас была верховая лошадь, приезжал к нам на санях и оставлял у нас свою упряжку, а сам садился на нашу верховую и ездил в Олсуфьево в разведку. Там был немецкий аэродром. Это происходило только в ночь. Свою упряжку он не распрягал, оставлял на ходу. Поскольку у нас сарай был большой, двое ворот, мы загоняли в одни ворота, и головой — во вторые ворота, которые не запирали, чтоб, на всякий случай, быть всегда начеку. Это делалось в большом секрете. Вот даже чтоб забрать у нас верховую лошадь в партизанский отряд, мы попали бы в подозрение, потому что в нашей деревне уже стабилизировалась полиция.

Немецкие солдаты зимой в оккупированной советской деревне

В декабре месяце 1941 года наш Сандер разведал, что по четвергам в деревню Заречье приезжают немцы поживиться. Забирали молоко, яйца, а также кур отстреливали, и не прочь были от поросёнка. И вот, когда в один из четвергов партизаны их встретили, четырёх немцев убили, двух в плен взяли, а вот один как-то схоронился в бане в печь. Партизаны убитых из деревни вывезли и на русле реки их вморозили. Это между Заречьем и Ходиловичами.

Буквально на следующий день в Ходиловичи прибыл карательный отряд. Сожгли один дом и расстреляли одну семью учителей — и старых, и детей — шесть душ. В Ходиловичах и в Петуховке забрали скот и лошадей. Тут же стали расклеивать приказы фюрера, что за одного немца будут расстреливать десять человек, а вот за оказание помощи в поимке партизан, особенно командиров, 10 тысяч немецких марок и 10 гектаров земли. И вот, наша деревня оказалась как бы границей партизанской зоны и немецкой. Деревня жила как бы в ожидании ежеминутных неприятностей, раскололась на две части — кто за власть

Советскую, а кто за немецкую. И не дай Бог, если рассекретят связь с партизанами, сразу острог и расстрел.

Но и полиция боялись партизан, поэтому переместились в деревню Заречье, организовали там штаб в бывшей школе, обставили дополнительными стенами и засыпали простенки землёй. Поэтому пуля теперь не прошивала. Некоторое количество людей ушли в партизаны, даже зареченские. Но когда началась блокада по партизанам, некоторые перебегли к немцам и вступили в полицию. Но впоследствии их участь была решена наказанием. В общем, осудили после освобождения нашей территории.

Партизаны не давали покоя аэродрому и станции железнодорожной в Олсуфьево, а так же и в посёлке Жуковка, где размещалось немецкое управление района и комендатура.

Ну, деревня, как ни как, существовала, а вот в городе Брянске и в рабочих посёлках пошёл голод, горожане несли свои шмотки, меняли на хлеб, картошку. А ведь это до нас было около сотни километров. Приходили, копали картошку, где осталась она необработанная, собирали, где остались отходы после обмола та зерна. Многие горожане искали себе убежище в деревнях и по знакомству, и просто потому, что в городе жить было невозможно. А также скрывались от преследования активисты.

Партизаны активизировались, не давали покоя немцам, ставили мины, взрывали железную дорогу, нападали на гарнизоны, которые были по округности установлены на подходах к районному центру Жуковка и аэродрому Олсуфьево. Тогда немцы стали по железной дороге уничтожать лес на расстоянии

Среди оккупантов

100—150 метров и вывозили его в Германию. Конечно, пилили лес наши люди, которых гоняли из деревень немцы. Ежедневно старосты и полицаи конвоировали к месту разработки, а потом и люди из наших деревень были привлечены к охране железной дороги. И, если что случится, то ли взорвут железнодорожное полотно, а также состав, значит охраннику и членам семьи — виселица. Но всё это не спасало от нашествия партизан. Рвали и полотно, и составы.

Тогда, в начале марта 1942 года карательный немецкий отряд вышел на борьбу с партизанами в Фошнянской зоне. И вот это было погожий и морозный день, слышу — крики, шум, гам, люди бегут и кричат: «Немцы! Немцы!». Ну и молодёжь, которая уже взрослая, но не служила немцам. бегут кто куда, в сторону леса. Я так же. Хочется жить. Страшно. Бегу, ухватил с собой в запас тряпки, чтоб в лесу не замёрзнуть, и драпака. Немцы передвигались на лошадях, снегу было очень много и очень холодно. Бегу, впереди меня, метрах в двухстах, не более, бегут где-то пять-шесть человек. Один, вижу, на лыжах

Каратели в горящей советской деревне

и с ружьём. А это наш мужчина, тогда работал егерем. Остальные девчата. Но, поскольку это было на краю деревни и по дороге, как ездят на лошадях, полозья накатаны, колея натёрта до блеска, очень твёрдая. И вот впереди меня я заметил, что снег, натёртый на колее, откололся и вверх как бы прыгнул раз-другой. Тогда я обернулся назад и увидел, что на лошадях мчатся немцы и стреляют. Мне пришла мысль — вот где мой конец жизни. Но, поскольку я ещё поравнялся с последней хатой, я тут же свернул и скрылся с их глаз. А вот что впереди меня побежали люди, немцы нагнали и там же их порасстреляли. Но егерь на лыжах было свернул в сторону, но и его догнали — там тоже были лыжники. Я, конечно, заскочил в хату, там был пожилой человек. Звали его Елизар. Спрашивает: «Что такое?». Я ему объяснил, что немцы гонятся за мной. Тогда он мне говорит: «Лезь на печь». Я так и сделал. А вот, когда с улицы в хату зашёл, в хате ничего не видно, окна были заморожены, заиндевали. Тут же в хату ввалился здоровенный немец, едва ль пролез, дверь была не по его росту, протопал, поглазел, побурчал и вылез из хаты. После к нам никто не появлялся. Мы, в свою очередь, стали протаивать стекло в окнах путём хуканья и всё время смотрели, пока не закончится караван. Каратели ехали на конных санях, и очень много было лыжников.

*Фашисты
у подожженного
дома.
Зима 1942 г.*

Карательный отряд был в Фошнянской зоне три дня, уничтожили деревню в лесах Ковали, посёлки Барсуковка, Кохоновка, Артищево, много людей, особенно мужчин. Если попался на глаза, расстреливали. А вот когда отряд возвращался обратно через нашу деревню, и нашу деревню Петуховку уничтожили, сожгли всё дотла, а мужчин, которые попадались, немцы расстреливали. Причём, во время въезда карателей в деревню, с ними в первых рядах был и с нашей волости начальник полиции Денисов. И, когда к нему обратились мужчины, как нам быть, он ответил, что вас не тронут, не хоронитесь. И поехал. А когда замыкающие каратели навалились, сожгли дворы и порасстреляли более двадцати человек. На моих глазах вывели деда Лаврентия два немца, и один крикнул и показал рукой, куда идти, и дед пошёл. А немец ему вслед взвёл затвор автомата и выстрелил ему в затылок. И у деда передняя часть лица вся разрушилась, не узнать. Но, а других мужчин собрали в один двор, порасстреляли и сожгли. Мало этого, коров, лошадей

Жительница деревни у сгоревших останков родственников

всех забрали. Вот с этих пор не стало нашей деревни. Это было 5 марта 1942 года.

С этого дня мы с матерью были вынуждены покинуть деревню и уйти к своим родственникам в поселок Ольхино. Там проживали два дяди мои и братья матери. Это Федор Степанович и Федос Степанович, а также племянники. А брат Николай со своими друзьями Афониным Иваном Ивановичем, Бурцевым Иваном Поликарповичем и Петуховым Андреем Ильичем и сестра Люба ушли в партизаны. Нам с матерью оставаться в Петуховке жить было нельзя, потому что нас могли расхоронить полицаи. В это время ещё никому не было известно, что мой брат и сестра ушли в партизаны. Но в это время уже охотились полицаи за всеми ненадёжными гражданами, поэтому мы были вынуждены жить у родственников. Ведь в деревне, что у нас было в хозяйстве, уничтожили немцы — двор сожгли, корову и лошадь забрали. Немного зерна было сохранено: закопано в земле было две бочки пудов двенадцать, немного свинины, а так же кое-какие тряпки из одежды.

Немного прошло времени, как партизаны организовали наступление на Жуковку, там расположилась немецкая комендатура. Это был районный центр, а также железнодорожная станция и, конечно, воинское подразделение. Жуковку взяли, в общем, разгромили немцев, но ненадолго. В этом бою мой брат был ранен в обе ноги и был госпитализирован в Дятьково. Там находился партизанский госпиталь.

А вот 1—2 мая началась блокада по партизанским отрядам. Со всех станций железнодорожных: Олсуфьево, Жуковка, Тросна, Ржаница

Жители уходят из подожжённой фашистами деревни. 1942 г.

выгрузились воинские немецкие части, моточасти, броневики, лёгкие танки, мотоциклисты и тут же сразу направились по лесам, где были партизанские станы.

Кроме этого, стала бомбить авиация. 2 мая бомбили село Фошню, я видел, как самолёты высыпали бомбы. Не поверите мне, что когда самолёт сбрасывал бомбы, очень хорошо видно: даже кобуркаются, как попало, а вот далее не видно, а только потом слышен свист (вой).

*Немецкий пикирующий бомбардировщик Юнкерс Ю-87.
При сбросе бомб издавал зловещий вой*

Мы были вынуждены покинуть этот посёлок и отправиться в лес. И в лесу мы находились две недели, еды у нас не было. Это был май месяц, приходилось голодать, ели всякую траву и ели ёжиков. Это мы находились за деревней Званкой, но потом мы решили перебраться в деревню Приютино. Там жила сестра моей матери Анюша.

Выйдя из леса, мы вышли на деревню Званка, она небольшая — несколько домов. Но в ней находился штаб партизанского отряда под командованием Григория Мальцева. В это время мы встретились с партизаном из нашей деревни Иваном Афониним. Мы ему объяснили, что и как мы здесь. Он нас свёл в штаб, где нам объяснили, что в Косилово только что разгромили немцев, поэтому пройти в деревню

Приютино очень сложно, только через Косилово. Но мы упросили. Нам разъяснили, как пройти, и объяснили, что там находится пост партизанский. Пропуск нам они отказали выдать в виду того, что если мы попадём в руки немцев, значит, нас убьют. И мы вынуждены идти. Подходя к Косилову, нас на посту не пропустили. Тогда мы вынуждены были вернуться обратно в Званку. В штабе нам выделили провожатого, который провёл нас через два поста, которые были около Косилова по двум сторонам деревни. Деревня была цела, только некоторые хаты были разрушены от снарядов. А, когда мы вышли за деревню, на полях посеянного хлеба всё было потоптано танкетками.

От Косилова до Приютино километров около четырёх. И вот, не доходя с километр со стороны реки Ветьмы, прострочила пулемётная очередь. Это где-то около полукилометра от нас. Мы решили вернуться в Косилово, но на посту мы подождали до вечера и потом вынуждены были пробираться до Приютино. И добрались. Пришли туда, а там ни души. Население было всё в лесу, только один очень пожилой дед был в деревне. Он нам рассказал, что люди все в лесах, но вы их не найдёте, так что подождите. Бывает, что из леса приходит кто-либо, и тогда держитесь за них.

И вот из леса пришла молодая девочка, она навещала деревню, да, в общем, и харч нужен был. Вот мы тогда попали в лес, это было за деревней КИМ или Крутой Ложок, она так именовалась. Это в сторону Каменки и Чечеренки. Девушку звали почему-то Сима, не знаю, имя её или кличка. Так мы и соединились со своей тётёй Анюшей. Детей у неё не было, но с ней проживала одна молодая девочка из Жуковки — беженка. Вот, как её звали, я сегодня уже не могу вспомнить, но она была сирота. Вот тогда мы немножко отжились, но в лесу мы долго не задержались.

В один прекрасный погожий день на нас налетели самолеты, позабросали листовками, чтобы мы сдавались. И тут же пошли немцы прочёсывать лес ночами, шли цепью один от одного где-то пять-шесть метров, и всё обстреливали из автоматов. А вот где мы находились, вернее, наш лагерь находился, со стороны наступающих немцев про-

Антипартизанская операция

ходило болото, залитое водой. Немцы, конечно, в воду не полезли, а взяли в обход. Поэтому на нас они не попали, а вот те мужчины, которые стерегли скот: коров, лошадей, на сухом месте около дороги — напали на них немцы, всех их поубивали — и людей, и животных.

Через небольшое время завязался бой в стороне деревни Чечеринки — так нам объяснили люди, знающие эту местность. А потом всё затихло, мы вынуждены вернуться в деревню Приютино.

И там мы проживали, но недолго. Деревня была цела, нетронута. И вот, как я помню, 10 или 11 июня рано утром, ещё было темно, деревню окружили немцы и полицаи, жителей выгнали из домов в сторону животноводческой фермы. Потом нас перегнали в сторону деревни Погореловки, ныне Бережки. Возле крайней хаты мужчин и детей подростков поставили в шеренгу-линейку. Там стояли большие деревья тополя, и вот, в течении целого дня, нас там морили. А потом где-то поймали двух мужчин — братьев и молодого парнишку и привели в наше

расположение. И тут же их повесили на тополях. Два брата — Макар и Лифан — их имена. И Коля Васюткин — так его звали. Лифан был грузный человек, даже верёвка лопнула. Но, всё же, его повесили вторично, а потом стали отсортировывать мужчин и ребят для отправки. И вот молодёжь отбирали — сымали штаны и определяли возраст. Кто постарше забирали к отправке, а молодых — к матке. А потом зажгли деревню, позабрали скот: коров, лошадей, и вещи, которые им нравились.

В этой карательной операции очень активно участвовали полицаи из нашей деревни. Даже петли накидывал на повешенных полицаи Кукуяк (такая его кличка), который был в белой расшитой рубашке. В этот же день один из партизан сдался немцам. Он сам из деревни Трубачи, но семья его находилась в Приютино — жена и двое детей. Вот, как рассказали позже, что он и выдал, где находились братья Макар и Лифан. Один из братьев был председатель сельского Совета, а другой был председатель колхоза. И это было всё при оккупации.

Советские граждане, обвинённые в гибели оккупантов, роют себе могилу. Июль 1942 г.

*Полиция и немецкий солдат
в оккупированном селе*

Но тогда и нашей тётке жить было негде — всё сожжено, даже тряпки, которые мы выносили на улицу, подожгли и погорели. Вот когда мы выносили из дома тёти всё, что можно сохранить от пожара, с моей матерью встретился наш начальник полиции Антон. Он, конечно, узнал и спросил: «А вы чего здесь?». Мать ответила, что сами знаете, ведь жилья у нас нет, поэтому живу у сестры здесь. А он ответил, чтоб немедленно была в Ходиловичах. Меня, конечно, он не знал и не узнал. Конечно, жить нам оказалось теперь негде и мы с матерью решили придти домой в Петуховку, хотя ничего у нас там не было. Правда, у нас на усадьбе был посеян ячмень — тридцать пять

соток. И остался окоп, когда мы готовились к наступлению немцев в нашей местности. Правда, в нём можно расположиться только сидя.

Вот мы и пришли домой. Когда мы вошли из Приютино в сторону Погореловки, уже возле деревни к нам присоединился наш из Ходилович партизан Елисеев Андрей Семёнович. В общем, сын одной женщины, по званию Марфа (Марховья). Мужа её, а также отца-партизана немцы повесили. Мы шли молча, мы ни о чём не разговаривали. А когда мы пришли в деревню Казариновку, он там остался. Мы перешли реку Ветьму и направились домой в Петуховку через Ходиловичи. В деревне были люди. Поскольку это было лето, работали на усадьбах — что-то пололи и обрабатывали картофель. Построек нет, кое у кого сделаны шалаши, а у кого — землянки. Но на ночь люди уходили в деревню Заречье, Казариновку, посёлок Круча. Оставаться было рискованно, ну мы переночевали, а наутро, смотрим, люди собираются возле поля, где посеяна рожь. Оказывается, приступили к дележу. Мы также

пришли и попросили, чтоб выделили и нам. Но нам ответили, что нам пая нет, а также с иронией ответили, что нам Сталин даст хлеба. Старостой у Петуховки был Тихон Куниченков. Ну, в общем, в комиссии по разделу были, в основном, пожилые родители из полицейев. Во время делёжки народу было очень много и, вот, со стороны Фошни по дороге в нашу сторону мы заметили, что идут три человека. А у них на поясах прикреплено то, что во время ходьбы от солнца сверкает-блестит. Люди кое-кто сразу стали уходить с делёжки и разбегаться. Даже в это время на делёжке был полицей, правда, он был без оружия. Но у него была лошадь, он сел на эту лошадь и помчался в Заречье в полицейский штаб. Но это было расстояние около 6—7 км.

Оказалось, что это шли партизаны — один наш Петухов Андрей Ильич и ещё двое для меня неизвестных. И вот, когда они пришли, оказалось, у них на ремнях пояса были прицеплены диски от автоматов. Вот они так при ходьбе и отсвечивали. Партизаны пришли, побыли у родителей и тут же ушли, только уже в другом направлении.

Партизаны. Фото 1943 г.

В своё время, тут же появилась полиция, очень много, человек тридцать, всё просматривали в бинокль, но партизан уже не было. А вот семьи партизан сразу же арестовали и забрали в полицейский участок и посадили в баню под охрану. Мою мать избили до потери сознания, меня в это время там не было. Когда пришли за партизанскими семьями, я спрятался и остался один, семьи партизанские отправили в Жуковку и поместили в тюрьму, а мать мою в больницу отправили, потому что она была недвижима. Когда её избивали и пинками, и шомполами, была залита кровью.

А вот через два дня поймали и меня. Я заметил, что на велосипеде проехал полицейский, звали его Янека. Через метров двести за ним остановился ещё один полицейский перед нашей усадьбой, а третий полицейский — от южной стороны усадьбы. Так мне перекрыли все выходы. Построек никаких не было, вот тут же меня и арестовали. Оказалось, что они за мной охотились уже два дня. Это был Корнеев Я. Ф. (Янека) и Пыченков Павел (Майоров) и третий — из посёлка Титова — фамилия Анишин (Замузданияк его кличка, потому что его морда была изуродована и имела большой шрам). Вот так я оказался под арестом.

Пособники оккупантов

В ЖУКОВСКОЙ ТЮРЬМЕ ГЕСТАПО

Тюрьма гестапо в Жуковке. Реконструкция Афонина В.И.

Это было 14 июня 1942 г. и тогда меня отправили в Жуковскую тюрьму, где я и находился до февраля месяца 1943 г. Находились мы в бывшем здании НКВД в камерах КПЗ. Находились мы, семьи партизан, в одной камере, и было с нами в одной камере 36 человек. Даже лечь было невозможно, очень тесно. Окно вверху небольшое, с решёткой и даже со светозащитной и одна обрезанная бочка для туалета. Дверь имела глазок (очко). И выводили всего один раз в сутки на 15 мин. Проводили по коридору в проход до туалета и опять же закрывали.

Во время моего ареста мои сверстники — ребята, которые были по-соседству — это Петя Котов (по кличке Махорочка) и Коля Петухов (по кличке Борис) очень усердно упрасивали полицейских, чтоб меня они не забирали, ведь у меня уже больше никого не было. Мать мою ещё раньше арестовали, избили до потери сознания и отправили в тюрьму. Но они и слушать не стали и со всякими угрозами-упрёками, что мы непокорные сволочи, и что нас нужно уничтожить. Вот так я оказался в Жуковке в тюрьме.

*г. Жуковка. Перекрёсток ул. К.Маркса и ул. Калинина.
Бывший узник жуковской тюрьмы гестапо Афонин В.И. указывает
её месторасположение. Сентябрь 2016 г.*

Но что можно описать, как жили в тюрьме. Кормили на убой, одну пол-литровую баночку в день баланды из брюквы или свёклы или картошка гнилая. Хлеб давали через день, одна буханка на двадцать пять человек. Конечно, она была уже нарезана на четыре части вдоль и потом поперёк, и получался квадратик. Открывали дверь нашу, при выдаче продовольствия нас строили в шеренгу в коридоре. Получивши свой паёк, идёшь в камеру.

Находясь в тюрьме, мы были заложники, и если что партизаны навредят немцам, то из нас тут же отбирали и водили к комендатуре. Она находилась в двухэтажном здании бывшей школы, где была устроена вышка-виселица, и там расправлялись — вешали узников.

В это время, также особенно ночью, наши самолёты бомбили Жуковку, особенно железнодорожное полотно и станцию. Правда, мы не очень располагались от станции, если по прямой — 300–500 м. Но, пока мы там находились, на нас не попадала ни одна бомба, хотя мы и, особенно, наши матери крестились и молились, просили Бога, чтоб если попала бы бомба, то чтоб только насмерть.

Кроме нас, из нашей волости, это были семья Волкова Макара Стефановича — партизана, жена Волкова, сестра и дети — шесть человек. Семья Петухова Ивана — партизана и его дети и сёстры с детьми, я с матерью, семья Петухова Андрея Ильича, семья Афонина Ивана Ивановича. Ещё были две семьи из посёлка Мареевка — две женщины с детьми. А потом к нам поступали из других деревень. Это из Тросны — мать и сын Мортиковы (их фамилия такая), мать звали Паша.

Пригнали к нам однажды из Погореловки (ныне Бережки) семьи, Сосновские их фамилия. В эту же ночь в районе Жуковки партизаны спустили под откос военный эшелон немцев. И днём немцы повесили трёх человек из вновь прибывших — две девушки молодые, ещё по двадцать лет возрасту, а мужчина, звали его Аким. Ещё ночью немцы увели всех мужчин на работы по разборке этого эшелона, который оказался под откосом. Так как таковой не оказался, вместо его забрали женщину из Жуковки, а у неё осталась дочь маленькая лет пяти. Я это хорошо знал и помню, эту женщину я видел ещё, когда проживал в посёлке Ольхино, и она там же проживала, она была учительница. Поэтому, когда пришли немцы, в Жуковке ей нельзя находиться, она скрывалась. У этой женщины был отец пожилой. Он также проживал на Ольхино, но когда Ольхино было уничтожено, не знаю, как и когда, они оказались в тюрьме. Правда, после этого, дочь женщины забрал её дедушка.

И вот тогда и нас стали немцы гонять на допросы и, особенно, когда не пустовали виселицы. Водили и меня. Три немца ведут, как не весть знать какого преступника: один — спереди, один — сбоку рядом и один — сзади, и оружие на взводе. Приведут, дверь откроют, затолкнут меня, а дверь закроют. А там сидит пожилой немец, весь в бляхах, а возле него пёс овчарка здоровый сидит на заднице, так он выше меня. Молодая девица в немецкой форме — переводчица. Он что-то ей объясняет, она мне переводит. Он сидит, пишет что-то, она, стоя на ходу, жестикуют. Кто она, мне не известно — то ли русская, то ли немка. Спрашивает фамилия, имя и т.д., а потом, кто в меня в партизанах, где и когда приходили. Конечно, находясь в тюрьме,

В лесах обнаруживали и таких врагов

немцы знали, что мой брат был в партизанах, и давали понять, чтоб брат перешёл на сторону служить немцам. А если это он не окажет такую услугу, то нам будет то, что видите возле комендатуры. Но если немцы знали бы, что и сестра моя была в партизанах, то, ясно, нам не миновать виселицы.

Вот так мы и находились в тюрьме. Нас содержали оккупанты, в камере было тесно, очень много и детей. Конечно, и болезни нас не миновали: и вши, и всякая нечисть у нас была, и чесотка нас одолевала. А у меня из одежды была шуба. А вот, как завелись в ней вши, я не знал, что с ней делать, никак её не мог одолеть, послиплись сплошь гниды, вши, блохи. Что только я с ней не делал, но от вшей не избавился. Другой одежды у меня не было, передач нам передавать было не от кого, потому, что наши родичи проживали в партизанской зоне. Поэтому было нельзя, их также могли взять под арест, потому что из моих родичей из Сакова также были в партизанах. Но и не только это. Ведь в округе все деревни в партизанской зоне были уничтожены, всех перечислить невозможно. Кроме моей деревни, сожжены были Фошня, Велия,

Ковали, все поселки лесной зоны, Ольхино, Саково, Николаевка, Александровка, Кончина, Дубрава, Задорье, Званка, Косилово, Приютино, КИМ, Матреновка, Белево и другие. Вот такая была у меня обстановка.

В тюрьме содержали в здании НКВД, а к зиме нас перевели в другое место. А вот в этой тюрьме находились четверо мужчин в соседней камере. Там мужчин очень часто и почти постоянно ночью выгоняли на работу. Нам хорошо было слышен сам грохот, потому что их из камеры выгоняли, как по тревоге. А вот с этими мужчинами в камере находился мальчик в мой возраст, и как он сопротивлялся оккупантам! Смело, озорно, прямо в лицо говорил, особенно полиция, что придут наши, и вам будет всем по заслугам. Судьба его мне дальше неизвестна, нас перевели в другой лагерь.

Ещё был мальчик помоложе меня, из Фошнянской зоны, он всё плакал. Он был один в камере, когда мужчин угоняли на работу. Его немцы поймали возле речушки Березны, есть такая там речушка. Чей он, откуда и что с ним стало — не знаю.

Из нашей камеры выгоняли ребят на работу, пилили дрова для немцев, прямо во дворе тюрьмы. Туда немцы завозили дрова для разделки, а потом разделанные отправляли по другим местам на лошадях. А всё это выполняли арестованные из нашей тюрьмы.

Но к зиме нас перевели в другое место. Это был до войны шпало-пропиточный завод, корпус — здание двухэтажное, но перемычек меж этажей не было, здание кирпичное, а перекрытие деревянное. Оно выгорело, и крыши не было — сгорела. Вот там также находились арестанты и пленные. Ещё два сарая: там также были арестанты, и два дома подле дороги. Все эти были обнесены колючей проволокой свыше двух метров. На территории лагеря был колодец и обычный наш тесовый

Группа советских военнопленных с подростком

туалет. Вот там нас держали до февраля месяца 1943 г. Условия те же, что и раньше. Никакой разницы, сообщений между постройками не было. Каждая, кроме общей изгороди, имела и внутреннюю изгородь из колючей проволоки.

Однажды нам делали какие-то прививки в виде, как нам делали раньше от оспы. Врачи, которые делали нам эту прививку, ничего не объясняли, хотя я и спрашивал, говорил, что оспу я привил и следы ещё хорошо видны. Но они ничего не говорили, отвечали, что мы выполняем приказ. Я в свою сознательность, как отвернулся от них, постарался всё очистить и стереть. Это делали только детям, для чего, я и сегодня не знаю. Но только есть догадки, не готовили ли нас для отправки в Германию.

Возле нашего барака проходила дорога из-за Десны. Так называлась та сторона южной стороны Жуковского района, а, если поточнее, как сегодня, со стороны совхоза «Коммунар» или же, точнее, посёлок Гостиловка. Если бы я занимался бы писательством, я мог бы ещё много всего, что происходило с нами во время оккупации немцами, описать.

По этой дороге часто, почти ежедневно, проезжали повозки с продуктами — везли овощи. Извозчики были, видать, наши русские крестьяне, но были и немцы. Они сразу видны — в форме, а чтобы не обморозиться — были наушники чёрные. Лошади были куцехвостые, ну так мы их называли «бельгийские». И возили в центр Жуковки, и дорога была рядом с ограждением. И бывали случаи, ведь дорога бульжная, иногда кочаны или свёкла выпадали из повозок и прямо с забором. Вот мы тогда, кто помоложе, и ухитрялись доставать под проволоку эту добычу. Но мне никогда не доставалось, мне охранники не разрешали. А вот, кто помоложе, тем разрешали. И тогда они, стоя, гоготали, как дети умудрялись достать кочан капусты или свёклы из колючей проволоки.

Но несколько опишу, кто находился в соседних сараях по-соседству. Два сарая отгорожены между собой, это видно было, что когда-то там находились или животные, или просто складские помещения. Одна дверь посреди сарая, а окон не было. Там были мужчины, нам видно было хо-

рошо, потому что они от нашего барака находились в 30—40 м в низине. А за ними находился основной корпус кирпичный, по высоте, как башня. Крыши не было. Там тоже были люди, и видно были в военной форме большинство. Но были в гражданской форме. Не знаю, кто они, мне неизвестно, я только догадываюсь, что это были военнопленные, потому что во время оккупации нашего района много проходило военных из окружения, которые вырвались из окружения и шли, куда кто надумались. Если семьи были уже оккупированы, то, значит, домой. А, если из-за линии фронта, бродили и оставались в деревнях, приставали кто в зятя, а кто — в работники. Вот так их немцы и подбирали и заключали в лагерях. Хотя эти солдаты приспособлялись там, меняли свою военную форму на гражданскую. Это было глубокой осенью, шли они, кто с граблями, кто, в общем, с сельскохозяйственным инструментом. Они, конечно, основные пункты размещения немцев обходили. Но им же помогали полицейские вылавливать военнопленных. Нам приходилось их кормить, и они рассказывали, что под Вязьмой целую армию нашу окружили и пленили немцы.

Немецкие солдаты рядом с лагерем советских военнопленных

НАШ ПУТЬ В ЖИРЯТИНО И ДАЛЬНЕЙШАЯ ЖИЗНЬ В ГОРИЦАХ

В феврале месяце 1943 года нас вывезли из Жуковской тюрьмы.

К нашему бараку подогнали упряжки лошадей. Извозчики гражданские посадили нас на сани. На санях была солома. Уложили нас, детвору, обложили соломой и обвязали верёвками и тронулись в путь — куда и зачем, не знаем. Правда, наш извозчик был из нашей деревни, меня он, конечно, не знал, он был пожилой, в возрасте. У него была лошадь, а, потому, что его сын Бурденков был в полиции, то они жили в Жуковке подальше от партизан. Но и лошадью их немецкая власть наградила. Звали деда этого Лифан. Хотя мы спрашивали, куда и для чего нас везут, ничего он нам не говорил. По пути, как я помню хорошо, в дер. Березовичи мы остановили на ночь в полицейском участке. Там мы переночевали и повезли дальше. Деревня эта находится разделена то ли рвом, то ли озером, как бы разделена, в общем, по берегам, если наполнить этот ров водой. А на следующий день нас привезли в Жирятино. Правда, дорога по той зоне, где нас везли, была очень гористая — подъёмы-спуски, сани, то и дело, шли под откос, и мы выкатывались из саней как мешки.

А когда нас привезли в Жирятино, это просто в то время была ну какая-то чуть облагоустроенная деревня. Я не видел хороших строений, обычные хаты, но куда нас поместили, возле речушки, она не особо большая, название её Судость. И прямо на берегу был спиртзавод, была очень высокая железная труба, ну, конечно, корпус каменный и деревянные постройки. Что там было до этого, мне неизвестно. Вот там нас и разместили.

Но, правда, нас там долго не держали. Через две недели приехали подводы и нас стали развозить. Вот я с матерью попал в деревню Горицы Жирятинского района. Эта деревня граничит с Почепским районом, деревней Синьковичи, и Выгоничским районом. Деревня, в общем, местность безлесная, поэтому, насчёт партизан, там условий не было. В деревне была полиция из местных жителей. Находились мы под наблюдением полиции. Кто был начальником, я не знаю, но был там

и немец молодой, какого чина — я не знаю, вот только самокрутку из махорки он не мог закрутить и ему всё полицаи закручивали. И, видно, они насмехались над ним — пока закрутят в сигарку, обслоняют, он тогда всё её просушивал и курил. А ведь табак ему очень нравился, колхоз до войны выращивал табак. Так как там и в это время были сохранены навесы, где перерабатывали табак.

Вот там мы остались до освобождения. Ну, что могу описать, как жили в деревне. Это по тем временам была свобода. Хотя нас предупреждали, чтоб мы не нарушали порядок и без разрешения никуда не отлучались.

Это был март месяц 1943 года. Нас поселили в хату к семье, женщина-мать и трое детей в семье было. Хорошо помню, звали её Ходка и старший сын её, но он моложе меня, звали Николай и ещё мальчик и девочка. Вот так мы там и ютились. Для нас была уже благодать. Но, конечно, я понимаю, для семьи огромная обуза, ведь мать моя была недееспособная, да и я ещё не совсем был дееспособен. Как

Немецкий танк в советской деревне. Немного осталось...

мы жили, конечно, просили у людей, и побирались, но на свободе. Я хорошо освоился, ходил даже в другой район, правда, там недалеко — 3 километра. Это посёлок Маковье. В Сеньковичи я не ходил, там был полицейский участок, так что мне не надо туда. Вот так мы и находились.

А весной меня забрал к себе один мужчина, звали его Платон Стефанович. Он жил один, служил в армии, воевал, попал в окружение и вернулся домой. А семья его была эвакуирована на большую землю. Все они были и работали учителями. У него были и дети. Как помню, рассказывал, два сына и одна дочь. Поэтому он пришёл, а семьи нет дома, человек Платон образованный. В Горицах был полицейский участок, и находился он в бывшей школе. Но в полицию он не пошёл, а работал — учил детей в школе. Он объяснял мне, что, сколько бы ни длилась оккупация нашей земли, свобода придёт. А поэтому, если что он учить детей, не подлежит наказанию ни с какой стороны — предательства нет. А вот если служить на стороне врага — то это во все времена считалось предательством и подвергалось наказанию, как измена и нарушение присяги. Это жестоко карается. Мне теперь Платон был, как бы отец — опекун. Жил я, и пил, и ел вместе, но и работали вместе. Делали, что могли — и пахали, и сеяли, и боронили, и убирали урожай. Была у нас тёлочка, мы её и кормили, и поили, и к осени она была уже нетель.

Где я жил в доме Платона, рядом через ровок от нас жил староста, звали его Иваном. Правда, он нас особо не беспокоил. Кто он и какой он, мне не известно. Но у него проживал чужой человек. Говорили, что, то — ли родня, то — ли знакомый, то — ли ещё ещё кто. Но он, как мне кажется, укрывался от преследования. От кого, не знаю. По профессии он художник, и он рисовал портрет старосты. Я видел сам набросок портрета, когда он выходил работать на открытое место возле дома под ракитой.

Во время проживания в Горицах мне пришлось познакомиться с молодыми ребятами из этой деревни. Вот теперь уже прошло столько времени, забыл как бы не очень важное, и поэтому мало осталось в памяти. Но, помню немножко, был там мальчик, кажется, Николай,

и была у него лошадь. И вот мы к нему часто собирались, и он очень здорово заботился о своей лошади. В этой деревне в Горицах из наших заключённых проживала семья Петухова Акулина со своей дочерью. Проживала эта семья в хате, там жили две женщины — сёстры. Одна местная, а другая жила в Брянске, но в связи с войной она пришла и жила у сестры. Так вот, их или кличка, или звали их так — «Маслениха». Что и как — объяснить не могу. Помню, что в этой деревне находилась и другая женщина с ребёнком, также из заключённых. Но не из нашей камеры и тюрьмы. Помню, как-то говорили жители, что — то о ней, называя Сергеевной. Но они поумирали — и дите, и сама женщина — то ли от тифа, то ли от других болезней. В общем, съели их вши.

Эта деревня находилась вне зоны лесов. Со стороны выгоничского района лес был 7—8 км и пересечённая местность, река, луга, перемещаться только по дороге, а иначе нельзя никак. Со стороны Почепского района также леса нет, и со стороны Клетнянского района также леса нет. Поэтому для жителей насчёт топлива, особенно зимой, были проблемы. Поэтому деревня Горицы проживала более тихо. Полиция была из местных жителей, помню, был там в полиции военнопленный, который пристал в зятя к местным, а вот в полиции служил в Горицах. Помню, он в немецкой форме ходил по деревне и приветствовал правой рукой вперёд выбрасываемой навтыжку. Правда, он по национальности был не русский, что-то напоминал близко узкоглазых.

Проходили слухи, что от Гориц был и есть посёлок небольшой Первомайский, это где-то в клетнянскую сторону. Я туда ни разу не ходил. Но слышал, что из этого посёлка погиб партизан по имени Пётр во время нападения партизан на Жирятино. Это было летом 1943 года во время ночи, какого числа — я не зафиксировал. Но это было хорошо слышно даже в нашей деревне, расположенной от Жирятино где-то в 12—14 километрах.

НАШЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ

Но вот в сентябре месяце пришло освобождение. Как только стал приближаться фронт, в деревню прибыли немецкие части, и в нашем доме расположился немецкий штаб. Это было мне хорошо видно, установлена рация, оборудование всевозможное. Мой Платон Стефанович куда-то схоронился. Куда, я, конечно, не знал. А вот к этому времени мы всё, что могли, попрятали, зерно закопали, а также шмотки всякие из дома. Повыносили всякую мебель, стулья, шкафы, комод на огород, зная, что во время боёв могут быть пожары. Я переделся в девичью форму под «панинку», так немцы меня называли. Я, конечно, к ним старался не показываться, А вот один молодой немец, или ещё какой нации, объяснил мне, что звать его ЮП. И он мне на ломаном русском языке объяснил, что я мальчик, а запишем «панинка». Как я понял, это был поляк.

Что делали немцы, когда прибыли в деревню? Вылавливали кур, забивали свиней, тут же их лупили и готовили себе жрать. Я уходил к своей тёлочке, которая была привязана к дереву в саду. Сад большой был, и там было много коров привязано с примыкающей улицы. А вот перед рассветом немцы, когда стали отступать, всех коров порасстреляли. Но моя тёлочка осталась жива. В это время я также находился рядом с ней в канаве, которая окружала этот сад. Я лично видел, как бежал немец рядом со мной, и стал стрелять коров. Тёлочка моя лежала, а вот, когда немец стал стрелять, она подхватила и немец промахнулся. Он бегом уходил. И тут же всё стало тихо. А вот уже утром, когда хорошо видно стало, тишина была нарушена. Вокруг всё загудело. Со стороны Жирятино появились танки и направились в сторону деревни Рудня. Вот там опять объявилась стрельба из танков и потянулась пехота, в которой так много было солдатиков разных национальностей. Все жители высыпали навстречу, встречали с цветами, хлебом-солью, вот и пришло нам освобождение. Наш дом был не очень далеко от дороги и, вот, возле нашего дома остановился один танк Т34 с экипажем. Он был неисправен, рассыпался подшипник ведущей звёздочки гусеницы. Экипаж танка

Советские танкисты с ребёнком в освобождённом советском селе

расположился в нашем доме, состоял он — командир из Борисоглебска, фамилия его Каширин, помощник командира — украинец Пугачёв, и ещё были грузин и узбек. Они всё время поддерживали связь со штабом, а также сводкой Совинформбюро ежедневно. Я с ними хорошо соединился и даже пробовал стрельнуть из пистолета. И оказалось, что как здорово ударная волна действует на руку. После всего этого я стал собираться домой. Сестра моего спасителя Платона прибыла из деревни Рудня и забрала тёлочку к себе, а также я указал, что сохранилось, чтоб забрали. Правда, шкафы комоды немного поломали, потому что немцы их использовали как кормушки для лошадей. Правда, одну лошадь раненую оставили в нашем огороде. И, вот, когда только пришло освобождение и появился Платон Стефанович, и тут же полевой военкомат мобилизовал его в действующую армию. А вот полицейских, я видел, как конвоем вели человек шестьдесят из стороны Синьково. Конвой и пеший, и на лошадях их погнал в сторону Жирятино. Что было с ними дальше, не знаю.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА МАЛУЮ РОДИНУ

Вот мы собрались и направились домой. Шли пешком и, когда подошли к Княвичам, на поле увидели много подбитых танков. И по вздорожью то тут, то там — убитых коней, коров и даже люди были — валялись. А, когда прибыли в Жуковку, увидели, что наша тюрьма, (здание бывшего НКВД) сожжена, а вокруг было много бомбовых ям.

А, когда шли домой, возле Гришиной Слободки, около ДОТа под дубками валялись убитые немцы. Они от солнца пораздулись и были раздеты догола. Вот я теперь дома. Я прибыл в свою деревню Петуховка.

Бесславный финал. Тела убитых немецких солдат в русском поле. Фото 1943 г.

А дома пока нет. В пути мы были одни сутки, шли без привалов. В это время ещё шли бои, ещё хорошо была слышна канонада в смоленской стороне. А дома, представляете, ни кола, ни двора. Не говоря ещё о еде. Все соседние деревни были пусты, люди были угнаны в немецкий тыл. Так что родственников у нас нет, прислониться не к кому. А жить хочется.

Приняла нас наша деревенская женщина. У неё было два парня: Вася и Ваня и две девчонки: Вера и Оля. У них была сделана землянка довольно просторная, в общем, бывшая баня вкопана в землю и обсыпана землёй. Была устроена русская печь, в общем, квартира, вкопанная в землю. Вот мы и проживать стали.

В свою очередь стало налаживаться железнодорожное движение, ведь немцы железную дорогу взломали. В течение 1—2 недель стали прибывать наши односельчане, гражданские и военные, особенно инвалиды. Вот прибыла моя сестра Люба, которая была в партизанах. Оказывается, за это время, когда мы были под арестом у немцев, сестра в отряде заболела, и её отправили на самолёте на большую землю. И там после лечения работала на аэродроме. В связи с тем, что она имела сельскохозяйственную специальность механика, вот её и направили в наш район для подготовки трактористов. И тут же было организовано обучение трактористов. Ведь всё разрушено было. Поэтому обучались в деревне Мадьяровка. Эта деревня рядом с Жуковкой. Вот эти кадры стали собирать трофеи, поразброшенные трактора и автомобили.

В общем, стала власть восстанавливаться. Создавались органы власти, в первую очередь, сельские Советы и комиссии по Учёту и ликвидации разрухи, созданной войной. Председателем сельского Совета был назначен партизан Волков Макар Стефанович, председателем колхоза — так же партизан Моисеев Тихон из Александровки. Люди жили в землянках.

Вот и мы начинали новую трудовую деятельность. Добыли колёса от повозки задние с осью, и, вот, на этих колёсах я с сестрой стали таскать из леса чурки и стали строить себе балаган. Так называется строение, половина которого закапывается в землю, а верхняя часть обсыпается землёй в виде дота. Встраивается окно и дверь. Вот для такого строения нужно меньше расходовать топлива (дров). Вот так мы стали жить на своей усадьбе.

Фронт от нас уходил всё дальше на запад, и по мере освобождения территории нашей страны, люди, которые освобождались от оккупации, стали прибывать. Ведь я упоминал, сколько соседних деревень было

угнано в рабство. Транспорта на нашей территории не было, потому, что во время отступления, всё уничтожено было. Была одна кобылка, очень худая, в общем, больная и один конёк, которого забрали у одного полицая. Так этого коня и называли Полицаем. Также не было и коров. На всю деревню появилась одна корова, которую обнаружили в Жуковке у одного полицейского семейства. Корова имела примётку — во время пожара, когда жгли нашу деревню, обгорел бок, и она имела эту приметку. Вот эту корову отобрали обратно и отдали в прежнюю семью.

А вот, что за моё отсутствие во время заключения в тюрьме происходило в нашей деревне и волости. За это время партизанское движение разгоралось, и затихало, когда были карательные экспедиции немцев. Партизаны отступали и опять возрождались, как каратели уходили. Обычно это были действующие немецкие армии, которые таким путём выполняли борьбу с партизанами и обеспечивали продвижение к фронту. Где-то он был в районе Жиздры. В 1942 году партизаны атаковали полицейский участок в Заречье. Во время этого боя погиб наш партизан Петухов Иван (Юдич). Но немало и уничтожено было полицаяев и их пособников. На аэродроме находились военнопленные. Были случаи, они убегали. А вот, однажды, двое пленных ушли и схоронились во ржи, а по дороге шёл полицейский с винтовкой. Они спрятались и, когда поравнялся с ними, они выскочили и отобрали винтовку у полицая. Правда, убивать не стали, а пригрозили, чтоб не поднимал шум потому, что это между полицейским участком и аэродромом. Пленные ушли к партизанам, но немцы полицая за это отправили в тюрьму в Рославль. Пробыл два месяца, вернули обратно в полицию. После освобождения этот полицай осуждён трибуналом и в штрафбате искупал свою вину. Был ранен, ампутировали ногу. И жил в нашей деревне до своей кончины.

Наши партизаны во время нашего отсутствия часто навевывались в деревню, особенно в посёлок Кручу. А вот их также предали из наших односельчан. Приходили партизаны ночью, Андрей Петухов (по кличке Бобок), Иван Афонин, Бурцев Иван, а также мой брат Николай. Очень смело и рискованно они ходили в Олсуфьево, там у них были явки, и они там получали нужную информацию о передвижении и дислокации

*Партизан Петухов
Андрей Ильич*

*Партизан Афонин
Иван Иванович*

немцев. А однажды в ночь Андрей Петухов и Иван Бурцев зашли на посёлок Коммуна, что рядом с посёлком Круча и ночью направились в сторону Олсуфьева на выполнение боевого задания. И, пока они были там, кто-то из местных жителей об этом сообщил начальнику полиции Антону. Полиция сделала засаду и, когда партизаны шли обратно, их сразили. Ивана Поликарповича ранили в обе ноги, а Андрей остался жив. Каким способом он спасся, сказать трудно, в общем, рядом были кусты, и по кустам он скрылся. А Ивана Поликарповича увезли в полицейский участок и там его зарыли почти живого. Иван Иванович Афонин при выполнении боевого задания погиб в селе Бацкино 28 февраля 1943 года. Мой знакомый партизан Воронов Александр (Сандер) также погиб в боях с немецкими оккупантами. Погиб он за деревней Кончино на границе с Дятьковским районом и захоронен в деревне Фошня. Мой брат Николай также погиб в деревне Званка Касиловского сельского совета и где его могила — неизвестно. Не дожил до освобождения один месяц, т.е. 14 августа 1943 года. В общем, были наши потери значительные. Вот, за период войны из нашего сельсовета более 140 мужчин погибли на фронте, это по неполным данным. А сколько погибло людей без фронта, которые находились дома! Очень много! Вот, что такое война...

А вот когда освобождали мою деревню и мой сельский Совет, по рассказам моих сверстников и мне преданных людей, было так. Во время ночи где-то 10—11 сентября 1943 года разведка наткнулась на заграждённое колючей проволокой здание, где находился полицейский участок. Разведчики предположили, что это какой-то лагерь, предположили, что находятся арестованные. Но, поэтому, не предприняли никаких военных действий, а, когда полицейские открыли огонь и убили двух разведчиков, вот тогда и приняли наступление на полицейский участок. И тогда, конечно, их разгромили и полицейских взяли живыми. Построили их в строй и, тут же произвели фильтрацию. При обходе и осмотре каждого персонально, полицейские, имеющие нагрудные значки и награды, тут же расстреливались.

Командир полицейского подразделения, бывший красноармеец, наш из Ходилович, пришёл из окружения и вступил в полицию. Видя неминуемую гибель за измену Родине, когда узнал, что это пришло освобождение, подорвался. Его фамилия Зырин Иван Тихонович.

Остальных полицейских угнали в сторону деревни Загорки. Там также лица, имеющие признаки измены, были отданы под трибунал и расстреляны, как изменники Родины. Вот и этого, который с нами шёл из деревни Приютино сдавшийся партизан и служивший в полиции, Елисеева Андрея Семёновича расстреляли, а остальных отправили в штрафную роту искупать свою вину.

ВОСПОМИНАНИЯ ПЕТУХОВОЙ Л. Я.— БЫВШЕЙ ПАРТИЗАНКИ РОГНЕДИНСКОЙ ПАРТИЗАНСКОЙ БРИГАДЫ

*Петухова
Любовь Яковлевна*

Родилась я в 1918 году в деревне Петуховке Ходиловичского сельского Совета Жуковского района Западной, ныне Брянской области в семье крестьянина.

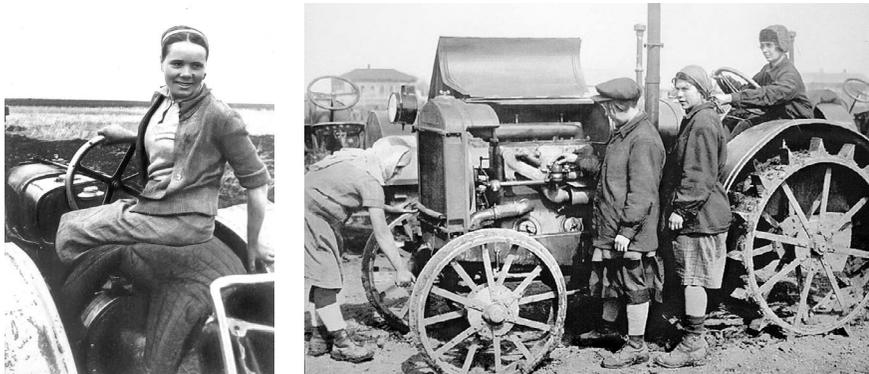
В 1932 году окончила Ходиловичскую начальную школу. После окончания школы работала в колхозе «Борец» Жуковского района.

В 1936 году меня колхоз направил на курсы трактористов. После шестимесячного обучения работала трактористкой, бригадиром женской тракторной бригады в Жуковской МТС № 2. В 1936 году меня приняли в комсомол, а в 1939 году кандидатом в члены ВКП(б).

В 1938—1939 годах училась в школе механиков в городе Елец Орловской области.

После окончания школы механиков работала механиком по сельхозмашинам в Жуковской МТС № 2 до начала эвакуации района в период Великой Отечественной войны.

В первые месяцы войны поддерживала связь с партизанами, а 20 апреля 1942 года ушла в Жуковский партизанский отряд Рогнединской партизанской бригады, где принимала участие в боевых действиях в районах Жуковка, Олсуфьево, Рогнедино, Дятьково, в населённых

В годы первых пятилеток лозунг знаменитой Паши Ангелиной «Сто тысяч подруг — на трактор!» услышала вся страна. Повсеместно стали появляться женские тракторные бригады. Люба Петухова стала одной из тех, кто смог стать примером для окружающих и повести за собой людей

пунктах Немеричи, Заречье, Старь, Гришина-слобода, Косилово, Матрёновка и других.

11 июня 1943 года меня, больную, отправили в советский тыл, где после выздоровления работала в Задонске в 683 отдельном батальоне аэродромного обслуживания. Там я вышла замуж за лётчика радиастрелка Губанова Павла Егоровича, который погиб в бою с немецко-

Восстановление народного хозяйства в послевоенное время потребовало напряжения всех сил

фашистскими захватчиками. Оттуда в ноябре 1943 года вернулась на свою малую Родину, в деревню Петуховку, разграбленную и сожжённую немецко-фашистскими оккупантами. Там я работала на восстановлении сельского хозяйства.

Работала с 1943 по 1949 год в колхозе «Борец» Жуковского района кладовщиком. В 1946 году меня приняли членом ВКП(б). С 1949 по 1955 год работала заведующей животноводческой фермой.

В 1952 году избрана делегатом XIX-го партийного съезда Всесоюзной коммунистической партии большевиков

В 1955—1956 годах работала председателем колхоза «Борец». В 1955 году была направлена Жуковским райисполкомом на учёбу

Мандат делегата XIX съезда ВКП(б) Петуховой Л.Я.

в город Брянск в сельскохозяйственную школу по подготовке председателей колхозов, где была переведена учиться в Советско-партийную школу.

После окончания совпартшколы в 1959 году была оставлена работать при опытном хозяйстве совпартшколы.

В мае 1959 года по состоянию здоровья и по совету врачей я сменила работу и поступила на работу на Брянский городской молочно-перерабатывающий завод, где проработала с мая 1961 года до ноября 1988 года (27 лет).

За период своей работы в колхозе «Борец» и на городском молочно-перерабатывающем заводе неоднократно избиралась секретарём парт-организации, председателем заводского комитета профсоюзов. Неоднократно награждалась почетными грамотами и ценными подарками.

Мои государственные награды за боевые и трудовые заслуги:

Орден «Отечественная война» 2-й степени,

Медаль «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,

Медаль «Партизан Отечественной войны» 2-й степени,

Медаль «Маршал Советского Союза Жуков»,

Медаль «Пятьдесят лет Вооружённых Сил СССР»,
Медаль «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,

Медаль «Пятьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,

Медаль «Шестьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,

Медаль «Шестдесят пять лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,

Медаль «Семьдесят лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,

Медаль «Выставка достижений в народном хозяйстве СССР»,

Медаль «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина»,

Медаль «Ветеран труда».

ДЕЛЕГАТ XIX СЪЕЗДА

(Из газеты «Брянская правда», 25 октября 2002 года)

50 лет назад, в октябре 1952 года состоялся XIX-й съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Коммунистам предстояло подвести итоги пути, пройденного после XVIII съезда и наметить программу деятельности на последующий период. Между восемнадцатым и девятнадцатым съездами советская страна пережила тяжелейшие испытания и беды: чёрным вихрем пронеслась Великая Отечественная война, нужно было в кратчайшие сроки восстановить разрушенное народное хозяйство, перевести экономику страны на мирные рельсы, накормить, одеть миллионы людей, дать им кров.

Девятнадцатый съезд проходил с 5 по 14 октября 1952 года в Москве. Выдержав суровые испытания ВОВ, возглавив героическую борьбу советского народа за восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства, партия успешно справилась с немислимо сложными задачами и пришла к своему съезду как никогда сплочённой и монолитной.

Делегатами от Брянской областной партийной организации были избраны А. Ф. Князев, Н. Н. Руднев, И. Н. Копышев, А. Д. Бондаренко, Ф. Н. Дадонов, В. Т. Политико и Л. Я. Петухова (на снимке).

В жизни Любови Яковлевны Петуховой 1952 год стал особенно памятным. На областной партийной конференции её избрали членом обкома ВКП(б) и делегатом XIX-го съезда партии. Волнующие дни работы съезда навсегда остались в памяти. До сих пор она бережно хранит документы, связанные с работой съезда: командировочное удостоверение, в котором говорится, что Петухова Л. Я. — животновод колхоза «Борец» Жуковского района, командирована в Москву на XIX съезд ВКП(б); мандат делегата съезда № 0053 и фотографии.

В 1936 году восемнадцатилетняя Люба Петухова окончила курсы трактористов. Деревенская девчонка с детства полюбила технику и о выборе профессии долго не задумывалась — стала трактористом, а затем и бригадиром тракторной бригады. Окончила школу механиков и стала командовать стальным хозяйством — её назначили механиком МТС.

С самых первых дней Великой Отечественной войны работала при военкомате, вместе с другими механизаторами собирала трактора для отправки на фронт. Когда фашисты оккупировали Брянщину и жить стало невыносимо, Люба и её брат Николай ушли в партизанский отряд. Пришлось молодой девушке испытать все невзгоды и лишения партизанской жизни: ходила в разведку, минировала железные дороги, участвовала в боевых операциях, уходила от преследований карательных отрядов. Но за спины товарищей не пряталась, на женскую слабость не ссылалась, а шла в атаку в числе первых, проявляла мужество и отвагу, выполняя отдельные задания.

После освобождения Брянщины Люба вернулась в родную Петуховку, что в Жуковском районе. Деревня была разрушена полностью. Вместо домов — остовы труб, да землянки. Из узлов и деталей собирала и восстанавливала она сельскохозяйственную технику, учила механизаторов.

В начале 1945 года Любовь Яковлевна была назначена заведующей животноводческой фермой. Под её руководством ферма вышла на передовые рубежи по производственным показателям, стала образцовой. Через год бывшую фронтовичку приняли в члены Коммунистической партии, а вскоре её избрали секретарём партийной организации.

И вот она снова в Москве. Но теперь уже не на партийном съезде, а в качестве лауреата Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Это была своеобразная награда за достижения в сельскохозяйственном производстве. Колхозники заметили хозяйскую струнку молодой женщины, её умение работать с людьми и вскоре избрали председателем колхоза.

Шло время. От руководителя требовались новые знания, и Любовь Яковлевну направляют на учёбу в Советско-партийную школу. Училась усердно, с большим стремлением к познаниям.

В дальнейшем судьба распорядилась так, что в родное хозяйство возвратиться не пришлось. И вся дальнейшая трудовая деятельность была связана с Брянским молокозаводом. Здесь её избирали председателем заводского комитета профсоюза, секретарём партийной организации, трудилась на других важных участках предприятия. Но на каком бы

*Петухова Л. Я.
(в верхнем
ряду крайняя
слева) с доче-
рью и внучкой
(в центре) на
праздновании
Дня города*

участке боевого и трудового фронта не находилась, Любовь Яковлевна всецело отдавалась порученному делу, стремилась делать так, чтобы не было мучительно стыдно за прожитые годы.

Её ратный труд был отмечен высокими наградами Родины: орденами и медалями, благодарностями и Почётными Грамотами. Но главной наградой для себя Любовь Яковлевна считает доброе отношение к ней всех, с кем она воевала и трудилась, с кем делила горести поражений и радости побед. Её всегда ценили, любили, уважали. Любовь Яковлевна давно на пенсии, годы ведь уже солидные. Но, как человек активной жизненной позиции, она ни дня не сидит без дела.

Долгие годы возглавляла Совет ветеранов Великой Отечественной войны и труда Гормолокозавода, является и сегодня членом клуба «Фронтные подруги», часто навещает учащихся школы № 54, делится своими воспоминаниями о боевых и трудовых подвигах народа в годы советской власти. «Очень хочется, — говорит Любовь Яковлевна, — чтобы наша молодёжь была физически здоровой, трудолюбивой, свято чтит память о героическом прошлом своих отцов и дедов, росла достойной их славы». Вот такая судьба у простой русской женщины, коммуниста, делегата XIX-го съезда Коммунистической партии Любви Яковлевны Петуховой.

НЕКОТОРЫЕ ЭПИЗОДЫ ВОЕННЫХ ЛЕТ

ПАМЯТЬ

Вася Афонин

«Володя, нас гонят убивать?» — спросил Вася брата, когда их восемь арестованных партизанских семей гнали фашисты в Жуковскую тюрьму гестапо.

«Вася, запоминай всё, ты должен жить! Тебя будут допрашивать, пугать, бить. Но ты терпи, не сдавайся! Про брата Ваню и других партизан ничего не рассказывай. Говори, что ничего о них не знаешь, и никаких партизан в деревне и в лесу не видел. Будут уговаривать, и обещать всякие блага — не верь, будут бить — терпи! Не бойся!» — говорил

полушепотом шестнадцатилетний Володя десятилетнему брату, поддерживая его под руку.

«А я и не боюсь! Я буду, как Миша Корольков, которого допрашивали японские фашисты» — ответил Вася.

«Молодец!» — сказал Володя, крепко прижав руку брата к своей груди.

Этот разговор между братьями был последним и пророческим. Володю в тюрьме содержали в другой камере, затем его угнали в лагерь военнопленных, откуда в Калининской области сбежал к партизанам. При освобождении территории добровольцем ушёл на фронт мстить фашистам за геройски погибшего старшего девятнадцатилетнего брата — партизана Ваню Афонина и его товарищей Колю Петухова и Ваню

Володя Афонин

Бурцева. За пять месяцев до Победы Володя тоже героически погиб в восемнадцатилетнем возрасте в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

А Вася? Последние слова брата Володи для него оказались пророческими. В тюрьме Вася испытал нечеловеческие муки. Его неоднократно фашисты допрашивали, уговаривали, пугали и нещадно били, называя «сталинским шенком»; заключали в карцер, морили голодом и выводили на расстрел. Ставили к стенке и стреляли либо холостыми патронами, либо боевыми выше головы.

Особую жестокость к непокорному мальчишке проявляли немец из Поволжья — комендант Ганс Брауэр и земляк Васи — начальник полиции Антон Денисов. Пережил Вася и инфекционные болезни, которыми фашисты заражали заключённых тюрьмы — нетрудоспособных стариков, женщин и детей. Внутри тела кишечник разъедали глисты (аскариды), снаружи — вши, гниды и блохи. Всё тело было покрыто сплошными гнойниками коросты. О какой-то медицинской помощи не было и речи.

Все эти муки и страдания Вася переносил с надеждой и верой в своё освобождение. Непоколебимую веру в предстоящее освобождение мальчику внушали взрослые — матери и бабушки: «С нами Бог и Сталин, они обязательно спасут нас от этих супостатов!» — постоянно звучало в их молитвенных словах. И это свершилось! Вася остался жив. Как это случилось? По неизвестным причинам многие семьи партизан из Жуковской тюрьмы гестапо зимой 1943 года тайно перевезли в Жирятинскую тюрьму.

Из переполненной узниками Жирятинской тюрьмы Васю в составе четырёх партизанских семей перевезли в село Совлуково под надзор полиции и дислоцированной там немецкой части. Семьи были размещены в сельской бане, охраняемой местной полицией. Но в селе кроме предателей были и патриоты, которые, вместе с другими, спасли Васю от неминуемой смерти. Они за неделю до прихода в село Красной Армии

Дороги войны

спрятали узников в деревенском погребе, где и были освобождены. Вася запомнил и свято чтит имена своих спасителей — это Ирида Андреевна Сапожкова и Никита Павлович Тимченко.

С той поры прошло свыше семидесяти лет, но память о злодеяниях фашистов и их приспешников остаётся неугасимой. И эта память передаётся новым поколениям — детям, внукам и правнукам — в издаваемых книгах, альбомах, видео фильмах, передвижных выставках. Память о том, что подобное нигде и никогда не должно повториться!

ПОДДАЙТЕ, ПОДДАЙТЕ, СОКОЛИКИ!

Уже стемнело, когда партизанские семьи были доставлены в Жуковскую тюрьму гестапо. Голодных, утомлённых и покрывшихся дорожной пылью узников конвоиры, действуя пинками кованых сапог и прикладами автоматов, спешно загнали в расположенный во дворе тюрьмы сарай, и закрыли снаружи на засов. Не прошло и десяти минут,

как вечернюю тишину нарушили неожиданные звуки пикирующих самолётов, бомбовые взрывы, непрерывные очереди крупнокалиберных пулеметов и многочисленных звуков зенитных установок. Казалось, что вся Жуковка разрушена бомбовыми ударами и охвачена пожарами, и что как — будто только наш сарай ещё на считанные минуты остаётся целым. А что творилось в сарае, трудно было представить. Дети ревели, женщины в отчаянии рыдали, старики со стоном обращались к Господу Богу, выпрашивая у Него либо спасения, либо мгновенной смерти. Кошмару, казалось, не будет конца!

Но, вдруг плач и стоны прервал громкий, повелительный и убедительный возглас деда «Ждана»: «Чаго ж вы страх нагоняете? Нешто непонятно, что это наши соколики с немчурой разбираются и колотят этих нехристей по всем швам! А своих они не тронут, и поэтому не пужаться, а радоваться надобно!». И уже радостным возгласом, как бы обращаясь к советским лётчикам, продолжал: «Заверните ещё разок и поддайте, поддайте ещё, соколики, проклятой немчуре! Пусть

Бомбёжка

знают, окаянные, что им спасения на нашей земле нету!». В сарае все притихли, и только бабка Акулина произнесла: «Потише, Егорушка. А то эти нехристи учуют, и петлю тебе на шею набросют». «Не бойся, Акулина, не учуют. Они все в траншеях валяются в задристаных от страха кальсонах». В сарае уже слышно было хихиканье. На улице вокруг бушевало пламя, и слышны были взрывы уже немецких боеприпасов на горящих складах и в железнодорожных вагонах. Узники, как бы побывав на уроке мужества, проведённом Егором Семёновичем Афониним, успокоились.

*Афонин
Егор Семёнович
«Дед Ждан»*

МИНЯ, СЫНОЧЕК, ЗАЩИТНИК МОЙ!

Когда появились на поле партизаны во главе с Андреем Петуховым, где земляки собирались делить колхозную рожь, находившийся среди них полицейский, на своей лошади помчался в деревню Коробовку, где находился полицейский штаб, и доложил, что в деревню Петуховку пришли партизаны. Тут же начальник полиции Антон Денисов даёт команду отделению пулемётчиков под командованием Пыченкова Прохора и командиру группы стрелков Афонину Михаилу (Тенятёнку) немедленно выехать в Петуховку, и находящихся там партизан взять в плен живыми. Наряд полиции на выполнение задания выехал на трёх повозках.

Было принято решение: Прохору по верхней дороге, ведущей на Фошню, объехать деревню и в потоке, ведущем к лесу, устроить засаду. А Михаилу Афонину около деревни оставить повозки, незаметно по лазинке* зайти в деревню и штурмом захватить землянки семей партизан, где, наверняка, отдыхают их сыновья-партизаны, и там арестовать

* лазинка — так называлось заболоченное и заросшее на лугу место между деревнями Петуховка и Ходиловичи

«Защитники» на подводах

«лесных бандитов». В это время ребята Петя Котов, Вася Афонин и Коля Петухов возвращались с речки домой. Пройдя лазинку, они увидели, как по верхней дороге (по большаку) помчались на повозке полицаи-пулемётчики, а с другой стороны по лугу бежала группа полицаев с винтовками на руках во главе с Михаилом Афониным.

В это время на лугу около калитки своей землянки стояла мать Михаила, по кличке, «Тенётиха». Увидев сына, она с протянутыми вперёд руками побежала к нему навстречу со словами: «Миня, сыночек, защитник мой!». Сын, приостановившись, спрашивает: «Мам, что тут творится?». «Да, бандиты в деревне появились, вместе с «Бобченком» (кличка Андрея Петухова), не дали на Фошнянском поле хлеб нам разделить». «Ладно, мам, иди домой. Мы с бандитами сейчас разберёмся. Больше они тебя никогда беспокоить не будут» — произнёс на ходу сын. «Миня, сынок, будь осторожен, береги себя» — вслед напутствовала

сына Тенётиха. Полицаи бросились к землянкам Петуховой Акулины и Агафьи Афониной, но там никого не было.

Тогда они побежали по потоку в сторону Велейских кустиков, где находился в засаде Прохор со своим пулемётным расчётом, в потоке также партизан не оказалось.

В одном месте под кустом валялся старый кем-то заброшенный ботинок. Но Миня решил, что ботинок утерял убегающий от них партизан и, как вещественное доказательство, забрал его с собою для предъявления Антону. Продолжать дальше поиски партизан по потоку в сторону Фошнянского леса полицаи не решились. Ведь там могла быть партизанская засада, которой, как огня, боялись и немцы, и полиция. Они сделали в ту сторону несколько пулемётных и винтовочных выстрелов и бесславно возвратились в Коробовку.

ЛИСТОВКИ

В один из летних дней высоко в небе появился самолёт. Мы, детвора, пытались определить, чей самолёт — наш или немецкий. Опознавательных знаков не было видно, но по звуку моторов мы установили, что самолёт советский. Наше предположение подтвердилось — слышались выстрелы немецких зениток. Но они для самолёта, летевшего на большой высоте, оказались безопасными. Когда самолёт находился в небе над станцией Олсуфьево, мы увидели интересную картину — из самолёта падали не бомбы, а какие-то предметы в виде тюков.

А потом эти тюки в воздухе рассыпались, и всё небо покрывали сотнями, летевшими по ветру листами бумаги. Самолёт в небе скрылся, а мы замерли в ожидании спускавшихся с неба и летевших в нашу сторону подарков. Интерес был настолько велик, что наша ватага ребят бросилась в сторону деревни Коробовки, где эти листочки, как нам казалось, уже падали на землю. Оно и действительно было так, потому что в Коробовке немцы и полицейские успели собрать и познакомиться с содержанием присланных с советской земли подарков. Это были листовки, предназначенные именно для нас, советских детей, находящихся на оккупированной территории. Из немецкого штаба тут же поступило распоряжение, чтобы листовки были собраны и сожжены.

А кто нарушит это распоряжение, будет расстрелян. На исполнение этого распоряжения были направлены полицейские подразделения. Нас у реки встретили Петуховские полицейские и приказали вернуться назад. При этом дали поручение пробежать по полю, где уже падали листовки, собрать их и принести к повозке, стоявшей на большаке (это пересечение дорог Жуковка — Косилово и Фошня — Коробовка). Ребята бросились в рассыпную по полю. Я вместе с Андреем Афониным (Егорёнком) и Петей Котовым (Махоркой) побежал к Велейским кустикам. Листовок там было много. Мы собрали их десятка три и решили половину оставить у себя, а остальные сдать полицаям. Мы ещё не знали, что в них написано, но решили, что бумага пригодится на курево. С этой целью Андрей с Петей идут по дороге к указанному полицаями месту, а я по потоку несу листовки к себе домой. При этом часть листовок я спрятал за пазуху, а остальные нёс в руках. Я уже был у дома, когда меня за воротник схватил полицай по кличке Федун, и с угрозой спросил: «Куда несёшь?» — показывая на листовки в моих руках. «Маме на разжогу дров» — ответил я.

Полицай вырвал из моих рук листовки со словами: «Моли Богу, что мне попался, а то бы тебя пулей прошили» — и, наградив меня пинком, отпустил. Прибежав домой, я листовки в огороде спрятал под куст смородины, а сам ушёл к друзьям. Когда полицайи уехали, мы листовки разделили между собой. Вечером я показал листовку брату Володе. Прочитав листовку вслух, он сказал, что это стихотворение написал известный советский русский писатель и поэт Сергей Владимирович Михалков. «Оно адресовано детям, а поэтому ты его должен выучить наизусть» — обращая ко мне, сказал брат. И я его выучил! Мне оно очень понравилось, и это стихотворение осталось у меня в памяти на всю жизнь. Понравилось оно и моим детям. Но, чтобы его передавать из поколения в поколение, нужна его публикация. К сожалению, в сочинениях С. В. Михалкова я не смог найти это стихотворение в той первой редакции. Но архивы помогли мне в этом. И я с удовольствием передаю его современным детям в том содержании, в котором я и мои друзья читали и учили под страхом смерти.

В ТОМ КРАЮ, ГДЕ ТЫ ЖИВЁШЬ
(Нашим детям), 1941 г.

Летней ночью, на рассвете,
Когда мирно спали дети,
Гитлер дал войскам приказ
И послал солдат немецких
Против всех людей советских,
Это значит — против нас.

Хочет он людей свободных
Превратить в рабов голодных,
А борцов, поднявших меч,
На колени не упавших
И служить ему не ставших —
Расстрелять, повесить, сжечь!

Чтобы мы роптать не смели,
Умирили и болели
От нужды и нищеты,
Чтобы только по-немецки
Даже дома, по-немецки
Говорили я и ты.

Красный галстук не носили,
Хлеб на улицах просили
У окон и у дверей,
Чтобы мы узнали горе,
Чтобы не было у моря
Пионерских лагерей.

Чтобы жили мы не в доме,
А в сарае на соломе,
Без воды и без огня,
Чтобы в детские больницы
Не пускали нас лечиться —
Ни тебя и ни меня!

Чтоб зимой морозом лютым
Мальчик Ваня был разутым —
На снегу замёрзнуть мог,

Чтобы всё досталось Фрицу:
Шуба, шапка, рукавицы,
Ванин валяный сапог.

Гитлер хочет, чтобы в классы
Допускались на урок
Только дети «высшей расы»,
Остальные — за порог.

Могут грамоте учиться
Максы, Морицы и Фрицы:
Сын фашиста, сын убийцы,
Сын начальника тюрьмы.
Остальные, это дети:
Вани, Саша, Маши, Пети.
Остальные, это мы.

Всё, что дружно мы хранили
И в музеях берегли,
Гитлер хочет, чтоб разбили,
Растоптали и сожгли.
Чтобы Пушкина забыли,
Не читали, не любили,
Не слыхали про него.

Чтобы было все для немцев,
Для фашистов-иноземцев,
А для русских и для прочих —
Для крестьян и для рабочих
Ничего!
Но от моря и до моря
Поднялись большевики,
И от моря и до моря
Встали русские полки,
И от моря и до моря
Люди подняли штыки,
И от моря и до моря
Взмыли в небо «ястребки».

И сказал народу Сталин:
«В грозный час за мной, друзья!»
И от немцев люди стали
Очищать свои края.

Всё, что вечно было нашим,
Мы назад себе вернём.
Мы опять поля запашем
И засеём их зерном.
Мы вернём себе назад
Каждый дом и каждый сад,
Каждый кустик на дороге,
Над которым выл снаряд.

Мы с тобой починим парты
И покрасим в новый цвет,
Склеим порванные карты,
Склеим Пушкина портрет,
Мы побелим стены в хате
И проветрим города.
Всё вернёт, за всё заплатит
Побеждённая орда —

За родные пепелища —
Наши бывшие жилища,
За расстрелянный народ,
За замученную Нину,
Веру, Валю и Марину,
И за сотни жизней детских,
За судьбу детей советских,
Многих маленьких сирот.

Будут снова жить в Артеке
Наши старые друзья —
Украинцы и узбеки,
Ты с Днепра, с Урала — я.
Будут на море купаться,
Бить футбольные мячи,
Поправляться ленинградцы,
Закаляться москвичи.

И шагая дружно в ногу,
Вместе вспомним мы с тобой
С отвращением про «тревогу»
И с улыбкой про «отбой».
И о том, что затемнения
В нашем доме больше нет,
И что только для леченья
Нужен людям синий свет.

Как мы жили, как дружили,
Как пожары мы тушили,
Как у нашего крыльца
Молоком парным поили
Поседевшего от пыли,
Утомлённого бойца.

Мы с тобой о партизане
Сами песню сочиним.
Перед памятником «Тани»,
Мы с тобою молча встанем,
Шапки снимем. Постоим.

* * *

Кто сегодня не известен,
Но бесстрашен, смел и честен,
Тот, кто любит свой народ,
Кто хоть что-то делать может,
Тот стране своей поможет
В том краю, где он живёт.

И учась отлично в школе,
И трудясь с другими в поле,
Становясь в цехах к станкам,
Потому что это счастье —
Помогать советской власти,
Помогать большевикам.

Сергей Михалков

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ХОДИЛОВИЧАХ И ПЕТУХОВКЕ

Ходиловичи — деревня Жуковского района Брянской области, Ходиловичского сельского поселения (центр — деревня Петуховка), на левом берегу реки Ветьмы, в 12 км к северо-востоку от Жуковки. Возникла предположительно в XV—XVI веках; упоминается с XVII века в составе Хвощенской волости Брянского уезда; входила в приход села Фошни. С 1840-х годов — центр особой волости для государственных крестьян; с 1861 по 1925 в Фошнянской волости Брянского (с 1921 — Бежицкого) уезда; затем в Жуковской волости, Жуковском районе (с 1929). В 1954—1968 в составе Гришино-слободского, Фошнянского, Саковского сельсоветов. В 1870-х годах — крупнейшее селение волости (на 1878—830 человек). По сведениям 1866 года: Ходиловичи, деревня казённая, число дворов 62, число жителей мужского пола 318, женского пола 377, всего 695 человек. Волостное правление. По первой всеобщей переписи населения Российской Империи, приуроченной к 28 января 1897 года, население: мужского пола 361, женского пола 441, всего 802 человека. Православного вероисповедования 802 человека. По данным переписи 1926 года — число хозяйств 133, население мужского пола 365, женского пола 382, всего — 747 человек. В 1899 была открыта земская школа.

Годы	1866	1878	1897	1926	1929	1989	2002	2010
Население	695	826	802	747	332	233	305	323

Петуховка — деревня в Жуковском районе Брянской области, административный центр Ходиловичского сельского поселения.

Расположена в 12 км к северо-востоку от города Жуковки. Население — 415 человек (2010). Упоминается со второй половины XIX века; состояла в приходе села Фошни. До 1925 входила в состав Фошнянской волости Брянского (с 1921 — Бежицкого) уезда; позднее в Жуковской волости, Жуковском районе (с 1929). В 1954—1968 гг. — в составе Гришино-слободского, Фошнянского, Саковского сельсоветов; в другие годы — в Ходиловичском сельсовете.

Годы	1926	1929	1989	2002	2010
Население	286	329	442	420	415

Фрагмент карты Генштаба Красной Армии. 1930 г.

НИКАК Я НЕ ПРИЕМЛЮ

Я не писатель и не поэт,
Ведь я другим родился —
Землю пахал и скот кормил,
Трудом своим гордился.

При мне была другая власть,
Она имела силу власти,
Но, как вы видите, сейчас
Постигло нас несчастье.

Та власть не всем бывала в сласть,
Но принуждала всех трудиться,
А нынче действующая власть
Не знает толком, что вокруг творится.

И я, крещённый раб, не понимаю,
И жизни этой смысл не разумею.
Но как даётся прибыль, знаю,
И в этом я свои понятия имею.

И чтобы каждый это мог бы разуметь,
И мог бы знать о том надежду,
Что ты не только мог на харч иметь,
Но так же на лекарство, обувь и одежду.

Но, как видать, сейчас за эту мысль
Мы разумом вцепились рьяно,
В труде мы ищем жизни смысл,
Но в мыслях тех мы заросли бурьяном.

Бывалая власть прошлая, не пошлая при том,
Без помощи извне могла давать народу
В достатке жить своим трудом,
Любить, беречь и уважать природу.

И сегодня тоже вспоминаю я о том,
Как любил, хранил свою природу,
Землю пахал, растил хлеба, Притом,
На пользу не дельцам, а своему народу.

Не много лет была такая власть,
Ей не сравнялось и столетье,
И к нам пришла, как бы, напасть,
Как в годы рабства, лихолетье.

И очень много уж теперь у нас
Людей тоскующих и жаждущих свободу,
Но эта власть, как видите, сей час
Охлаждена к Российскому народу.

Когда смотрю на эту власть,
Она нам многое желает,
И от честной жизни нас
Вроде ни в чём не избавляет.

По теле смотрит наш народ
О том, как надо нам лечиться,
Но где гарантия о том,
Чтобы в гробу не очутиться?

Пилули, доктор и аптека,
Реклама бесконечная —
Всё это для простого человека —
Обман владыки бессердечного.

Вот всё, что я здесь написал,
Никак я не приемлю,
Кто же будет защищать
Простых людей и нашу землю?

П. Я. Петухов

ЧАСТУШКИ

Частушка — это короткая (обычно в четыре строки), исполняющаяся в быстром темпе рифмованная песенка преимущественно любовного, нередко общественного содержания; популярный жанр русского народного словесно-музыкального творчества 2-й половины XIX — XX веков.

Советский энциклопедический словарь.

Великая Отечественная война своим зловещим крылом коснулась исключительно всех граждан нашей страны. Она отложила неизгладимый отпечаток на жизнь советских людей. Смерть родных и близких, познала практически каждая семья. Вместо благоустроенных квартир люди ютились в землянках и погребках. Голод и холод испытывали все.

Но жизнь продолжалась. На фронтах шли ожесточённые бои, а на освобождённых территориях возрождались колхозы, совхозы, фабрики и заводы. Кто же их возрождал? И какими силами? Современному

Так жили в освобождённых деревнях

молодому человеку трудно представить, когда в освобождённых от оккупантов деревнях жили старики, женщины и дети. И не только жили, а творили чудеса. Голодные, оборванные, больные, но не озлобленные и не покорённые, люди — и стар, и мал от восхода и до захода солнца трудились в сельском хозяйстве. Тогда не было в деревнях Дворцов Культуры, сельских клубов, музыки, кино, телевизоров. Но молодёжь после трудового дня находила себе развлечения. В землянках, в основном, под балалайку они устраивали танцы, типа страдания, Семёновны, краковяка, вальса, барыни и других и пели, слагаемые ими же частушки. Некоторые из них собранные автором, предлагаются читателю.

Девочки, война, война,
Девочки, окопы рыть,
Девочки война заставила
Тридцатый год любить.

Ты играй, играй, гармошка,
Двадцать пять на двадцать пять,
Захотели фрицы-немцы
Сталинград без боя взять.

Партизанский пулемёт
С перерывами поёт,
Он играет и поёт,
Фрицам жару поддаёт.

Мой милёнок партизан,
А я партизаночка,
Не даёт фрицам покоя
Боевая парочка.

Наступают партизаны,
Гремят взрывы там и тут
Фрицы руки поднимают,
Кричат «Гитлеру капут!»

Партизаны шли в атаку
С громким возгласом «Ура!»,
С перепугу, словно зайцы,
Разбежалась немчура.

Кричит немец на деревне
«Матка, млеко, яйко, кур!»
Матка фрицу отвечает:
«Не ищи в России дур!»

Матка фрицам отвечает,
Головой своей качает,
«Курок, масло, молоко,
Мы сховали далеко!»

Ты играй, играй гармошка,
Подпоём тебе немножко,
Плясать будем во всю мощь,
После боя в эту ночь.

Бегут немцы по России,
Слышны стоны там и тут,
Генералы их продали,
Кричат: «Гитлеру капут!»

Мой милёнок партизан,
Защищает Родину,
Не даёт фрицам покоя,
Бьёт эту уродину!

Партизаны подпевают
Немцам пулемётами,
Из России провозажают
Фрицев миномётами.

Я надену юбку синю,
Синюю, пресинюю...
Мой милёнок партизанит,
Перерезал линию.

Говорят, что я бойка,
Правда — бойковатая,
Бойкой стала в партизанах,
Я не виноватая.

Ты не жди, фашист, пощады
За грабёж и за разбой,
Пулемётом и гранатой
Рассчитаюсь я с тобой.

Хороша наша гармошка,
Золотые голоса,
Немцы нос бояться сунуть
В наши Брянские леса.

До свидания, мой сад,
Кустики смородины,
Ухожу я в партизаны
На защиту Родины.

Эх, леса вы мои,
Леса Брянские,
Охраняют вас отряды
Партизанские.

Почему сегодня тихо,
Эшелоны не идут?
Потому что партизаны
Ежедневно рельсы рвут.

Мой милёнок партизан,
А я партизаночка,
Мы с ним вместе ходим в бой —
Боевая парочка

Скоро, скоро мы поедem,
И поедem далеко,
Где немецкие снаряды
Роят ямы глубоко.

Шлёт с Берлина милый Мишка,
Бьём фашистов там и тут,
Скоро немцам будет крышка,
Придёт Гитлеру капут.

Когда милый уезжал
Строго мне наказывал:
«Гуляй моя розочка
Вечером немножечко».

Эх, страдание моё
По лесу раздавалось,
Сильно я его любила,
Но не признавалась.

Посадила куст малины
И кустик смородины,
Скоро милый мой уедет
На защиту Родины!

Пойдём, милый мой, пройдемся,
Поглядим, какая рожь,
Если крупная солома,
Ты на фронт скоро уйдёшь.

Как закончится война,
Пойдут солдаты ротами,
Я милёнка своего
Встречу за воротами.

У милёнка моего
Поговорочка на «о»,
Так за эту поговорочку
Любила я его.

Девочки, зима не лето,
Не посеешь в поле рожь,
Девочки, не наша воля,
Не полюбишь, кто хорош.

Мой милёнок, как телёнок,
Кучерявый, как баран,
Никуда его не дену —
Не зарезу, не продам.

Все мои малиночки
Сняты на картиночке —
Вася, Вова по краям,
А я в серединочке.

Не забуду я ту речку,
Не забуду озеро,
Не забуду я того,
С кем ноги морозила.

Возле нашего двора
Плавали утята,
А я с печки босяком,
Думала ребятам.

У меня братишка Мишка
И милёнка так зовут,
Мама скажет Миша, Миша,
А моя занозит грудь.

Что ж ты милый редко ходишь?
Милая, работаю!
Не поверю, дорогой,
Любишь с неохотой!

Голова моя болит,
Наверно, угорела я,
Перестал милый ходить,
Наверно, надоела я.

Хорошо тебе подруга,
Как твой милый гармонист,
А мой тоже учится,
Не знаю, что получится.

Ох, подружка, запевай,
Запевай, какую хочь,
Про мою любовь не надо,
Моё сердце не тревожь.

Мой милёнок лётчик,
Я его невеста,
Мы с ним сели в самолёт,
Самолёт — ни с места!

Полюбила лейтенанта
И ремень через плечо,
Тыщу двести получает,
И целует горячо!

Полюбила лейтенанта,
А майор мне говорит,
У меня ремни пошире,
Босоножки можно шить.

Полицейский пришёл сватать,
Я ему даю ответ,
Ты изменник и предатель,
Мне к тебе дороги нет!

Эх! Бей лапти,
Не жалей лапти,
Когда липа расцветёт,
Милый новые сплетёт!

Ты играй-ка гармонист,
Играй моя розочка,
Грудь печальную мою
Развесели немножечко.

Не ругай меня мамаша,
Говорю серьёзно.
Ты сама такая была,
Приходила поздно.

Всё б я пела, всё б я пела,
Всё б я веселилася,
Если б в нынешнем году
Война замиралися.

Всё б я пела, всё б я пела,
Если б голос позволял,
Если б ты, моя залеточка,
С другою не гулял.

Говорила бабка деду
Я в Америку поеду,
Покажу Обаму зад
И вернусь снова назад.

Оп-оп-опа!
Америка—Европа!
Америка гордится,
Россия не боится!

Говорила Рая Мише:
«Мы с тобой уже на крыше,
Выше крыше воеет вьюга» -
Говорит Мише подруга.

Боря Мишке говорит,
Голова моя болит
Отвечает Боре Мишка
«Нам двоим, приходит крышка!».

Балалайка-лайка-лайка,
Балалайка синяя,
Бросай играть, пойдём домой,
Тоска не выносимая.

Мы с милёночком гуляли,
Ночка была лунная,
Играла музыка, баян,
Гитара семиструнная

Я под топодем стояла,
Тополь меня вымочил,
Я богатого любила,
Бедный меня выручил.

Не красива, не красива,
Дорогой мой Ванечка,
Красота то в магазине
Рубель сорок баночка.

Не красива, не красива,
Любить тебя не просила,
Не просила я тебя:
«Люби, пожалуйста, меня!»

Я не пудрилася,
Не румянилася,
И не знаю, почему
Я понравилась ему.

Если б я была бы я
На лицо красивая,
Тогда бы я могла бы я
Надеяться на милого.

Ты играй мой гармонист,
Играй моя розочка,
Грудь печальную мою
Повесели немножечко.

У милёнка кудри редки,
Как черёмуха на ветке.

Что ж вы, девки, губки жмёте?
Знать, хороших ребят ждёте?
Девочки милые, вас тут много,
Приглубьте, ради Бога.

Что ж вы, девочки, стоите,
Головой качаете,
Подойдите и скажите,
Что вы замечаете.

Сколько раз я зарекался
Этой улицей ходить,
В чернобровую влюбился —
Не могу её забыть.

Эх ты, милая моя,
Сорока белобокая,
Раньше я к тебе ходил,
Теперь гора высокая.

Ох ты, ох ты в белой кофте,
Поцелуечка моя,
А кто тебя поцелует,
Как уеду скоро я.

Подружка моя,
Иди, одевайся,
Я с милёнком постою,
Ты не обижайся.

Подружка моя,
У нас миленький один,
Ты ревнуешь, я ревную —
Давай его продадим.

Ты не прыгай, дорогая,
Как сорока по колам,
Я любить тебя не буду,
Хоть ты лопни пополам.

Через речку быстрюю
Я мосточек выстрою,
Ходи, милый, ходи мой,
Ходи летом и зимой.

Ох, сыпь, Семёновна,
Подсыпай, Семёновна,
Под капусту, под кочан,
Чтобы милый не скучал.

Ох, Семёновна,
Моя милая,
Я пришёл к тебе,
А ты унылая.

Я хочу с тобой
Разговор завести,
Рассказать тебе,
Что на сердце есть.

А на сердце есть
Небольшой позор,
Ведь мой миленький
Загулял с другой.

Загулял с другой
Да не на шуточку,
Подойди ко мне
Хоть на минуточку.

Подошёл ко мне
И сказал в глаза:
«Ведь ты колхозница,
С тобой гулять нельзя».

Что я колхозница,
Не отрицаюся,
И гулять с тобой
Не собираюся.

И сказал он мне,
Обо мне забудь,
Дайте острый нож
Я растерзаю грудь.

Дали острый нож,
Я рассмеялася,
Не с такой шпаной
Я расставалася.

Ты играй, играй,
А я петь буду,
На меня наговор,
А я терпеть буду.

Мы с милёночком
Всё обнимались,
Разговор вели
И целовались.

Целовались
Не отравились,
Любовью пылкою
Мы заразились.

Говорила я милёнку,
Говорила дураку,
Ты не пей-ка русской горькой,
Не кури-ка табаку.

Выхожу я на крыльцо
Разгорается лицо,
Люди скажут: «Навилась»,
А я такая родилась.

Пошла плясать,
Доски гнутся,
Сарафан короток,
Ребята смеются.

Балалайка, балалайка,
Балалайка синяя,
Бросай играть, пойдём гулять,
Тоска невыносимая.

Подружка моя,
Пойдём, выйдем на реку,
У тебя милёнок Вася,
И я Васю завлеку.

Эх, бывало, я плясала
И плясать хотелось,
А теперь-то, что такое,
Где охота делается.

Не ходи ко мне бочком,
Ходи ко мне грудью,
Пускай говорят,
Что я тебя люблю

Я не лебедь, я не гусь,
По воде не плаваю,
Ох, довольно танцевать,
Давай ручку правую.

Ох, танцор мой дорогой,
Что ты со мной делаешь,
Я танцую и пою,
А ты только бегаешь.

Вы, ребята — ребятаёшь,
Сами себя губите,
За приличное богатство
Разведёнок любите.

Мой голуба на войне,
Он думает обо мне,
А я тут, в краю лесном,
Часто думаю о нём.

Свой батистовый платочек
Не буду повязывать,
Пошлю милому на фронт
Раны перевязывать.

Раньше муж был бригадиром,
Я была дояркою,
Теперь муж мой — командиром,
А я — санитаркою.

Вы, фашисты, не рычите,
На нас зубы не точите,
Наша Армия сильна —
Разобьёт вас всех она.

Мне сапожки не по ножке,
Юбка не по талии,
Один миленький в Москве,
А другой в Германии.

Ты не жди, фашист, пощады!
За грабёж и за разбой
Пулемётом и гранатой
Рассчитаемся с тобой.

Немцев мы не раз уж били,
Но о том они забыли.
А на этот, видно, раз
Долго будут помнить нас.

Милый Коля дрова колет,
Рядом в клеточку кладёт,
Милка Колю ожидает,
Коля вечером придёт.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3
Из воспоминаний П.Я. Петухова.....	17
Довоенные годы.....	17
Война пришла.....	29
В Жуковской тюрьме гестапо.....	51
Наш путь в Жирятино и дальнейшая жизнь в Горицах	58
Наше освобождение	62
Возвращение на малую Родину	64
Воспоминания Петуховой Л. Я.	69
Делегат XIX Съезда	73
Некоторые эпизоды военных лет	77
Память.....	77
Поддайте, поддайте, соколики!	79
Миня, сыночек, защитник мой!	81
Листовки	83
Приложения	88
Историческая справка о Ходиловичах и Петуховке.....	88
Никак я не приемлю	90
Частушки	92

*Редактор С.В. Афонин
Вёрстка А.В. Афонин*

Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать цифровая.
Бумага офсетная. Тираж 5.
Отпечатано в типографии ООО «Ладомир»
241050, г. Брянск, ул. Калинина, 81